ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 26 марта 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (652)

О РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Один из наиболее запущенных участков работы союза писателей в центре и на местах — работа с молодыми членами союза.

Казалось бы, нет нужды доказывать необходимость особого внимания литературных организаций к молодым писателям, часто нуждающимся в помощи в гораздо большей степени, чем старшее писательское поколение. Но факты из практики ССП свидетельствуют, что не все руководители понимают задачи союза в этой области.

Прежде всего, молодые писатели совершенно недостаточно участвуют во внутрисоюзной жизни.

На совещаниях в редакции «Литературной газеты» молодые писатели с горечью говорили об этом. Им неизвестно, что делают руководящие органы союза, какие принимают решения, каковы планы их дальнейшей работы. Время от времени молодых писателей приглашают на различные парадные заседания, на которых обязательно нужно выступление «от имени молодежи». Для большинства молодых писателей этим и ограничивается их участие в союзной работе.

Писательская молодежь в Москве, как правило, не привлекается к участию в заседаниях правления ССП даже тогда, когда правление заседает совместно с активом.

В этих случаях действует знаменитая «обойма», в активе числится небольшая группка «именитых» писателей, которые по сути дела совсем не так активны в общественной (а очень часто — и в творческой) работе.

Однако, по заведенной еще со времен Оргкомитета ССП традиции они приглашаются для решения важнейших вопросов жизни союза, и никто не хочет пересмотреть состав актива, включив в него молодых писателей, творчески выросших за последние годы и стремящихся к активному участию в союзной работе. То же самое наблюдается и в Ленинграде, и в республиканских литорганизациях.

Молодые писатели жалуются и на то, что их имена не попадают в списки приглашаемых к участию во многих действительно интересных мероприятиях ССП (например, встречи с крупнейшими иностранными писателями). Ошибаются те руководители, которые считают, что эти жалобы — «мелочь», не стоящая их внимания. По таким «мелочам» молодой писатель судит об отношении к нему организации.

«Люди борются за то, чтобы получить право входа на трибуну во время демонстрации, за то, чтобы получить право проехать на первом пароходе по каналу Волга—Москва. За это борются лучшие люди московских заводов, борются своими рекордами, своими производственными успехами. А у нас? У нас дай две, три, пять хороших книг, но все равно почетное право получит тот писатель, кто давно уже, может быть, и не работает, никакой творческой работы не выполняет. Это — результат устаревших оценок», — так говорил на одном из совещаний писатель, написавший несколько хороших книг. Бесспорно, он выражал настроения многих писателей, и руководителям союза следует серьезно над этим задуматься.

Руководящие органы союза подходят к писательской молодежи недиференцированно, без знания каждого отдельного писателя, его работы, его индивидуальных нужд и запросов. А здесь как раз особенно и нужен индивидуальный подход, чуткое и внимательное отношение к человеку.

Это нужно и для того, чтобы вовремя заметить, как это умел делать Горький, новое свежее дарование, помочь ему творчески, и для того, чтобы в необходимых случаях материально поддержать молодого писателя. Надо сказать, что и в деятельности Литфонда можно явственно проследить ту же «ставку на имена», которой характеризуется работа руководящих органов союза.

Совершенно возмутительно отношение значительной части наших критиков к творчеству молодых писателей. Критические «мэтры» не хотят работать над книгами молодых. Наши редакции тратят множество усилий для того, чтобы «уговорить» серьезного критика написать о первой книге малоизвестного автора.

Именно поэтому многие редакции решили, что писать о молодых могут и всякие окололитературные халтурщики.

Положение совершенно нетерпимое, но критическая секция правления ССП совсем не думает об этом, как, впрочем, и о многих других вопросах, ее непосредственно касающихся.

Новые книги способных молодых писателей не обсуждаются в союзе. В практике правления ССП не было случая обсуждения новой книги или сообщения о творческой работе молодого писателя с периферии. А как могло бы ободрить, зажечь, вдохновить такое обсуждение и самого писателя, и всю писательскую молодежь.

Талантливых молодых писателей у нас немало, их надо хорошо знать, конкретно и диференцированно помогать им — в этом основа работы союза по подготовке и совершенствованию новых кадров литературы.

Бывает так, что вследствие тех или иных обстоятельств руководящие органы союза занимаются каким-либо молодым писателем. Тогда допускается другая крайность — молодого писателя захваливают, не указывая ему на его недостатки, не ставя перед ним задачу учебы и совершенствования. Так было, например, с молодым писателем Авдеенко. Ничего, кроме вреда, подобное захваливание не приносит.

Никто в союзе, кроме случайных и второстепенных работников, не занимается специально вопросами большевистского воспитания писательской молодежи, не думает о формах этой работы. Вопросы подготовки новых литературных кадров не привлекают серьезного внимания правления. Деятельностью специальных учебных заведений правление интересуется от случая к случаю. Крепкой связи молодых писателей со старшим поколением, систематического обмена творческим опытом не налажено.

Слабость работы союза с молодыми писателями очевидна. Но там, где плохо работаем мы, стараются как следует «поработать» враги.

Факты, вскрытые в Центральной литгруппе в Ленинграде, о которых сообщает сегодня наш ленинградский корреспондент, как нельзя более ясно об этом свидетельствуют. Там, где молодежь не находится постоянно в сфере внимания и воспитательного влияния правления союза и партийных групп, там стремятся влиять на нее Корниловы, Васильевы, Смеляковы и прочие контрреволюционеры.

Поразительна беспечность партийных организаций писателей в вопросах работы с молодежью. Парторганизация московских писателей, например (не удосужившаяся, кстати, до сих пор обсудить на партсобрании решений Пленума ЦК ВКП(б), никогда не пыталась всерьез наладить партийно-политическую работу и марксистско-ленинскую учебу среди писательской молодежи. Широкая масса беспартийных молодых писателей не охвачена сетью партпроса, слабо привлекается на открытые партийные собрания. Коммунисты-писатели обязаны активизировать работу своего неповоротливого парткома.

Невнимание союза к писательской молодежи создает среди некоторой части молодых неправильное, нездоровое отношение к своей организации и к старшему поколению писателей. Такие вредные настроения также пытается использовать враг, протаскивая мыслишку о ненужности писательских об'единений вообще.

Борьба с подобными настроениями, разоблачение враждебных вылазок будут гораздо более успешны, когда союз по-настоящему организует работу с нашей способной и растущей молодежью. Нужна и гораздо большая активность самих молодых писателей в деле перестройки союзной работы.

Надо покончить с глубоко вредной и чуждой нашему строю привычкой шептаться о недостатках союза по коридорам и молчать о них на собраниях. Часть наших товарищей болеет этой болезнью.

Работа союза писателей с молодыми его членами должна быть перестроена совместными усилиями правления ССП и всей писательской молодежи на основе подлинной самокритики и широкого развертывания внутрисоюзной демократии.

Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон выехали на родину

23 марта, на перроне Октябрьского вокзала собралась большая толпа. Звенят песни, раздаются прощальные приветственные возгласы. Москва провожает дорогих своих гостей — пламенных борцов против фашизма, испанских революционных писателей Рафаэля Альберти и Марию Тересу Леон.

Среди провожающих представители ССП СССР тт. В. Ставский, Вс. Вишневский, М. Я. Аплетин, итальянский революционный писатель Д. Джерманетто, грузинский драматург т. Мдивани, написавший пьесу «Альказар» об испанских событиях, народный артист республики А. Я. Таиров, которому Рафаэль Альберти обещал прислать свою пьесу для постановки в Камерном театре, делегация московских пионеров, журналисты и др.

Растроганные испанские писатели горячо благодарят присутствующих за дружеский прием, оказанный им в Москве.

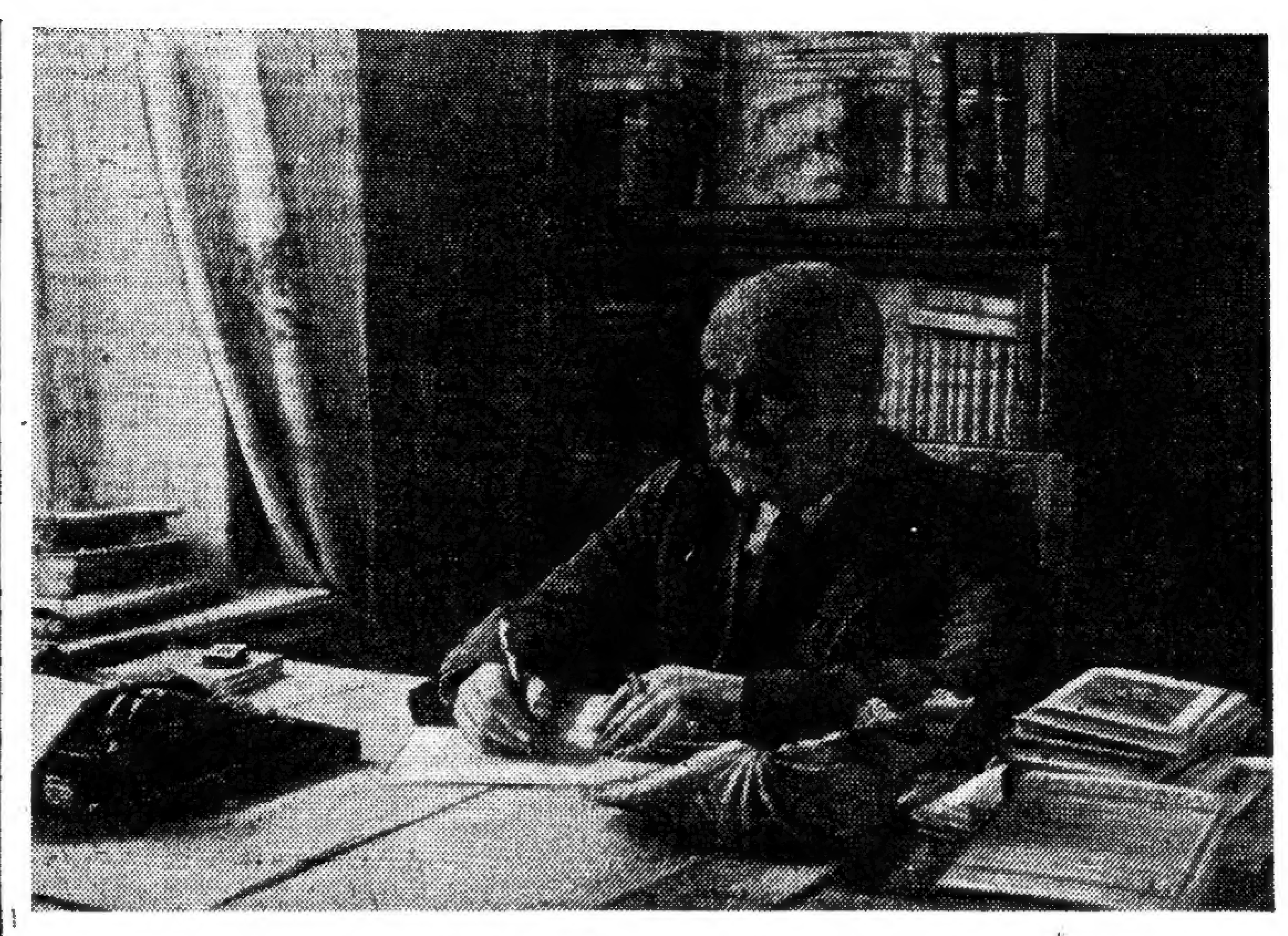
Прощаясь, взволнованная Мария Тереса Леон говорит:

— Отсюда всегда грустно уезжать. Но в этот раз нам особенно тяжело покидать вас, тяжело, как никогда.

За несколько минут до отхода поезда испанские писатели-революционеры приветствуют своих московских друзей боевой песней мужественных защитников Мадрида. Московские пионеры в ответ поют пионерскую песню.

★

Утром 24 марта Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон прибыли в Ленинград, где были тепло встречены представителями ВОКС, ЛенССП и ленинградской общественности. Днем писатели посетили Эрмитаж, Дворец пионеров, ознакомились с достопримечательностями Ленинграда и встретились с группой советских прозаиков и поэтов.

А. С. Новиков-Прибой в своем рабочем кабинете. Фото М. Маркова.

Народный писатель

Юбилейный вечер А. Новикова-Прибоя в ССП

На столе — груда приветственных телеграмм, перечень которых председательствующий (т. В. Ставский) затрудняется дать. Это отняло бы слишком много времени. Они пришли со всех концов нашей великой страны и несут с собой те же чувства, то же тепло, которым дышит и каждое слово тех, кто лично пришел сегодня приветствовать писателя в день его 60-летия.

Собратья по перу тт. Ставский, Серафимович, Вишневский, Джерманетто, представители Красного флота: флагман флота II ранга Галлер — от имени Управления морских сил, Флеров и Боковиков — от командования и личного состава Балтийского и Черноморского флота, директора издательств Накоряков и Лазарь, читатели, библиотечные работники, наконец, друзья, вместе с Новиковым-Прибоем пережившие ужас «Цусимы» — Ларионов, Воеводин, Зубов, Зефиров, — все они с восхищением и признательностью говорят о свойствах Алексея Силыча как человека и художника.

Искренняя задушевность, простота, органическая связь с народом, из недр которого он вышел, бесконечная влюбленность в морскую стихию и глубочайшая ненависть ко всем формам угнетения и произвола — вот что сделало Новикова-Прибоя одним из замечательнейших писателей, обусловило всю его тематику, привело к созданию такого классического труда, как «Цусима». «Адмирал морской литературы» — это сказано Вс. Вишневским в его взволнованной, всех захватившей речи, не для красного словца. Выступления моряков подтвердили, что Новиков-Прибой пользуется в Красном флоте непререкаемым авторитетом, что массы воспринимают «Цусиму» как своего рода эпос, отразивший не только определенный период, но и в целом тот страшный исторический путь русского флота, о котором так ярко, с таким знанием дела говорил Вишневский.

Но ошибочно думать, что в сознание массового читателя Новиков-Прибой входит только как автор «Цусимы». Московские библиотекари сообщают, что спрос пред'является на все книги Новикова-Прибоя и что ни одна из них не залеживается на полках. Можно спросить: что же, неужели только морская тематика обладает самой притягательной силой для читателя, неужели так велик интерес к прошлому русского флота?

На это дает совершенно правильный ответ А. Серафимович в своей характеристике «Цусимы». Если бы произведения Новикова-Прибоя имели «узко-морской» характер, то навряд ли они пользовались бы такой широкой популярностью. Но все дело в том, что в своих книгах и с особенной, потрясающей силой в «Цусиме» Новиков-Прибой показал всю гнилую систему самодержавия, бесправие не только моряков, но и всего народа, глубоко вскрыл причины, которые делали неизбежным полный крах устоев, утверждавшихся в государстве помещиков, чиновников и купцов.

Вот в чем секрет такого могучего воздействия «Цусимы». Она, повторяет каждый оратор, вооружает ненавистью к призракам прошлого, воспитывает чувства социалистического патриотизма, она — один из самых действенных факторов в борьбе за увеличение нашей военной мощи, за большой социалистический флот. И ей суждено почетнейшее место в истории советской литературы.

На товарищеской встрече, состоявшейся после официальной части, юбиляра горячо приветствовали заместитель наркома обороны СССР, начальник морских сил флагман флота 1-го ранга В. М. Орлов, комдив Н. В. Ракитин, герой Советского Союза В. Чкалов, писатели П. Павленко, Демьян Бедный, В. Луговской и др.

Яр.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

НОВИКОВУ-ПРИБОЮ

Он навсегда войдет в потомство,
Наш славный Новиков-Прибой.
Как поучительно знакомство
С его причудливой судьбой!

Самодержавья воздух спертый
Еще нам легкие травил,
Когда себя «Матрос Затертый» *
В литературе об'явил.

Но пухоте невыносимой
Мы дали бой, Октябрьский бой.
И вот—на мир на весь «ЦУСИМОЙ»
Взгремел наш Новиков-Прибой.

Наш Силыч—силой крепкой налит.
Рабоче-творческий аврал
С высокой мачты он сигналит,
Литературный адмирал.

Он смотрит с зорким напряженьем,
Чтоб враг не мог нас обойти.
—Вперед, к великим достиженьям
На нашем творческом пути!

* Первоначальный псевдоним Новикова-Прибоя в 1906 г.

Работа во славу родины

Дорогой Алексей Силыч!

В день вашего славного шестидесятилетия, мы, писатели Ленинграда, шлем вам свой сердечный привет.

Ваша жизнь, насыщенная борьбой, ваше творчество, пронизанное уверенностью в победе рабочего класса, ваши произведения, в которых романтика морских просторов переплетается с романтикой революционной борьбы, прекрасный реализм вашей «Цусимы», наконец,— из всего этого складывается в сознании миллионов ваших читателей образ большого писателя нашей родины — Алексея Силыча Новикова-Прибоя.

Вы сумели рассказать нашему народу о страшных преступлениях царизма, воссоздать перед ним исторически и художественно правдивую картину недавнего, но уже такого далекого прошлого. Ваша «Цусима» — эта трагическая эпопея о кровавых сумерках самодержавия,— стала произведением подлинно народным. Огромно и ее оборонное значение. Люди нашей обновленной социалистической родины, бойцы Красного флота и Красной армии, наши славные пограничники, стахановцы, трактористы колхозных полей, читают вашу книгу с твердым убеждением: теперь никто не позволит врагу безнаказанно вступить на нашу землю, граница наша на крепком замке, враг будет бит!

Мы ждем от вас, дорогой Алексей Силыч, новых повестей и рассказов, в которых вы показали бы героизм и романтику советских военно-морских походов, людей Краснознаменной Балтики, славных бойцов Черноморского флота, героев дальневосточников.

В день вашего шестидесятилетия мы шлем вам пожелание долгой, плодотворной работы во славу нашей родины, ее военно-морских сил и ее литературы.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ, Н. СВИРИН, КОНСТАНТИН ФЕДИН, БОРИС ЛАВРЕНЕВ, ЛЕОНИД СОБОЛЕВ, С. МАРШАК, М. СЛОНИМСКИЙ, ОЛЬГА ФОРШ, С. МАРВИЧ, В. ДЕСНИЦКИЙ, В. КАВЕРИН, СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ, М. ЧУМАНДРИН, МИХ. КОЗАКОВ, Г. МИРОШНИЧЕНКО, С. КОЛБАСЬЕВ, ВЯЧ. ШИШКОВ, И. ЗЕЛЬЦЕР.

Приветствия

В день юбилея на имя А. С. Новикова-Прибоя поступили приветствия от командующего Балтфлотом тов. Сивкова, от политуправления Балтфлота, от академика Крылова, от Ф. Крылова (ЭПРОН), от В. Киршона, В. Кирпотина, Леонида Леонова и многих других.

Излюбленные книги масс

Дорогой Алексей Силыч!

Редакция журнала «Знамя» и актив писателей горячо поздравляют вас с днем вашего шестидесятилетия. Ваши романы и рассказы о старом царском флоте, в особенности «Цусима», и героических советских моряках являются излюбленным чтением многомиллионных масс нашего народа.

Читатели с нетерпением ждут вашего нового романа о современном советском флоте, о его героических делах и людях. Мы особенно рады, что вы, Алексей Силыч, работаете вместе с нами над созданием большой оборонной литературы Советской страны. Вместе с вами нас вдохновляет великое чувство любви к социалистической родине, на пользу которой служат ваши произведения.

Горячо желаем вам долгой и плодотворной работы.

М. ЛАНДА, С. РЕЙЗЕН, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, С. ВАШЕНЦЕВ, В. ЛУГОВСКОЙ, Н. ВИРТА, А. ТАРАСЕНКОВ, П. ПАВЛЕНКО, Л. СОБОЛЕВ, Л. РУБИНШТЕЙН, Б. РОМАШОВ, Ю. ЯНОВСКИЙ, Вас. ГРОССМАН, В. ПЕРЦОВ, В. КУРОЧКИН.

Приветы из Украины и Белоруссии

Дорогой Алексей Силыч!

Писатели советской Украины горячо приветствуют вас с шестидесятилетним юбилеем. Украинский читатель знает и любит ваши произведения, с нетерпением ждет новых.

Желаем счастья, плодотворной работы на благо трудящихся нашей великой социалистической родины.

ПРАВЛЕНИЕ ССП УКРАИНЫ

✱

Дорогой Алексей Силыч!

Советские писатели Белоруссии и десятки тысяч ваших читателей, любящих вас, зачитывающихся вашей «Цусимой», шлют вам горячие приветствия ко дню вашего 60-летия.

Еще в глухие годы царской реакции вы, Алексей Силыч, подняли свой суровый, мужественный голос в защиту народа. Ваш роман «Цусима» стал подлинно общенародной книгой.

Желаем вам долгих лет творческой работы на благо нашей великой социалистической родины.

ПРАВЛЕНИЕ ССП БЕЛОРУССИИ

Дневник «Литературной газеты»

Решения пленума ЦК ВКП(б) вызвали во всей нашей стране бурный отклик, широкую волну самокритики, горячее обсуждение вопросов перестройки работы партийных, советских и общественных организаций в связи с введением в жизнь Сталинской Конституции.

Развертывающаяся все шире и глубже советская демократия наносит жестокие удары извращениям и недостаткам работы в ряде этих организаций — идиотской болезни беспечности, отрыву от масс, бюрократизму, подхалимству и угодничеству, за которыми зачастую прячется классовый враг, подмене выборности назначенчеством, зажиму самокритики.

Писательские организации не являются в этом отношении исключением. Собрание ленинградских писателей вскрыло крупнейшие провалы в работе своего правления. Секретарем организации долгое время был враг народа Горелов, который сознательно разваливал работу с помощью своих соратников—презренного троцкиста Майзеля и других. Творческая работа была в загоне, лучшие коммунисты и беспартийные писатели сознательно устранялись от работы этим контрреволюционным «руководством».

В «Литературном Ленинграде» — ныне закрытой газете — процветало захваливание плохих и посредственных книг, подхалимство, подвизались в качестве критиков ныне разоблаченные враги народа — Майзель, Мустангова, Штейнман и др.

Но в Москве обсуждение важнейших вопросов жизни союза еще не началось.

Никак не раскачались еще парторганизация московских писателей и правление ССП. До сих пор не созвано собрание московских писателей.

А поговорить есть о чем. Правление ССП еще ни разу не выступало с докладом о своей работе, с деловым и обстоятельным отчетом перед массой писателей. Пленумы правления до сих пор не отличались самокритикой, в них было немало шумихи и парадности, декларативности. Правление критиковало писателей, но писатели еще не критиковали правление.

За последние дни редакцию «Литературной газеты» посетили некоторые писатели (которых, кстати сказать, незаметно на парадных собраниях) для того, чтобы побеседовать о работе союза писателей, о предстоящей перестройке (Н. Вирта, Кирилл Левин, Л. Овалов, И. Уткин, С. Годинер, П. Маркиш, Е. Долматовский, М. Голодный, А. Кушниров, Г. Фиш).

О работе правления эти товарищи говорят чрезвычайно резко.

Главный вопрос, который ставится особенно остро, — союз не стал до сих пор творческой организацией. Он слишком много занят хозяйственными делами, квартирами, дачами, путевками, в то время как всю эту работу надо целиком сосредоточить в Литфонде, в РЖСКТ «Советский писатель», обеспечив только руководство и систематический контроль за их деятельностью.

Союз не подошел вплотную к работе своих членов — каждого в отдельности. На собраниях и заседаниях фигурируют одни и те же имена. Правление союза не знает своих писательских кадров. Между тем подросла интересная литературная молодежь, произошли серьезные передвижки в среде уже давно известных писателей.

Некоторые «литературные генералы» давно уже ничего не пишут, или пишут плохо, но продолжают, вроде Пильняка или Лидина, ходить в корифеях, с которыми-де надо особо считаться, в то время как их давно заслонили в сознании советского читателя такие писатели, как Н. Вирта, Ген. Фиш, В. Гроссман. С другой стороны, такие «старички» как В. Финк или давно всем известный И. Новиков, по «привычке» числились в середняках и не привлекали внимания союза, а потом оказалось, что первый написал «Иностранный легион», второй — «Пушкин в Михайловском».

Нужно сдать в архив такие порядки. И на предстоящем собрании московских писателей это будет сказано полным голосом. Нужно вообще из'ять из ведения союза хозяйственные, снабженческие функции и т. п. Они должны быть переданы полностью и целиком — уж сколько раз твердили миру! — Литфонду и только Литфонду (который, кстати, тоже нуждается в хорошей встряске, в основательном пересмотре всей системы работы и всего руководства).

ССП должен заниматься исключительно творческими вопросами. Ведь было бы ошибкой думать, что в правлении сидят только «свадебные генералы», выполняющие исключительно украшательские функции. Там есть — и в довольно большом количестве — люди, пользующиеся доверием и уважением писательской массы, как творцы подлинно художественных ценностей, люди, по природе своей энергичные, инициативные, с общественной жилкой. Но и они не находят выхода для своей энергии, и они разобщены друг с другом.

За правлением ССП в писательской среде уже установилась кличка «департамент». Правление союза создало секции: поэтов, детской литературы, литератур братских народов, критиков, драматургов, и этими секциями, в которых сидят большей частью третьестепенные работники, окололитературные люди, оно по существу отгородилось от живого общения с писательской массой.

Правление ССП — около ста человек. Сколько из них фактически участвует в работе, обсуждает, вырабатывает решения, может нести за них ответственность? Насколько правомочны решения секретариата, если присутствует один секретарь на трех и работники аппарата? Насколько правомочно заседание правления, если нет кворума? Все это приводит к бюрократизации работы, к подмене коллегиальности единоначалием в общественной организации?

Эти крупнейшие недостатки создают отчужденность между писателями и правлением. Отсюда возникают разговорчики о том, что союз вообще ничего не дает и не нужен, а этими вреднейшими разговорами пользуется и раздувает их классовый враг, который стремится раздробить единый отряд советских писателей, раз'единить этот огромной важности коллектив, чтобы отвоевать себе хоть одного-двух писателей.

Большевистская самокритика нужна в литературной среде, как воздух, как хлеб. Лишь на этой основе будет создана та творческая атмосфера, в которой неизбежно повысится чувство ответственности не только у руководства, но и у каждого писателя в отдельности. Лишь на этой основе возможна коренная перестройка структуры ССП, методов его работы.

■ ■ ■

Дружеский шарж Е. Ман

НОВИКОВУ-ПРИБОЮ

В свой юбилей ты будешь тронут,
Тебе речей наговорят!
И я отметить нынче рад:
Таланты и в воде не тонут
И в Литиздате не горят.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Общее собрание ленинградских писателей

От собственного корреспондента «Лит. Газеты»

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Доклады Н. Тихонова и Н. Свирина.— Ленинградский союз работал плохо. — Уничтожить последствия вредительской работы врагов народа. — Боевые задачи ленинградских писателей. — Книги и пьесы к 20-летию Октября.

Таких собраний в ленинградском союзе писателей еще не было. Впервые за три года своего существования правление встретилось со своими избирателями. Впервые на этом собрании вспомнили о таких позабытых словах, как «кворум», «правомочность собрания» и т. д. И даже президиум собрания не утверждался попрежнему «списком», а избирался поименным голосованием. В президиум вошли: **Н. Тихонов, И. Цильштейн, Н. Свирин, К. Федин, Б. Лавренев, О. Форш, Г. Мирошниченко и приехавшие из Москвы В. Ставский и В. Вишневский.**

Слово для доклада предоставляется председателю Ленсоюза **Н. Тихонову.**

— В нашей стране, — говорит он, — с утверждением сталинской Конституции происходят громадные перемены, способствующие развитию и укреплению могущественной советской демократии. Историческое значение этих перемен, внесенных сталинской Конституцией, очень хорошо сформулировал тов. А. А. Жданов на февральском пленуме ЦК ВКП(б). Новые способы работы, которые вводит страна, помогут перестроить даже отсталую организацию, даже такую, как наш союз писателей.

Что привело к «захирению» работы Ленсоюза, к отрыву организации от больших творческих и политических задач, стоящих перед писателями? Причины крупнейших недочетов в работе ленинградской литорганизации Н. Тихонов видит в забвении демократических принципов, в отрыве руководства от писательских масс, в незнании людей.

Вместо профессионального об'единения писателей, которое «позволило бы им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений в творчестве, его целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всей трудотворческой энергией страны» (так определял цели союза А. М. Горький), союз превратился в бюрократическую канцелярию, в департамент литературы.

Работа правления начала запутываться именно из-за этого от'единения руководства от широкой писательской массы. Мы не замечали вещей, которые потом раскрылись с ужасающими подробностями. В союзе были обнаружены враги, преследовавшие контрреволюционные цели. Они оказались на ответственных постах: Ральцевич был редактором «Литературного Ленинграда», З. Лозинский — редактором «Литературного современника», Горелов был редактором «Звезды» и «Резца» и, вместе с тем, ответственным секретарем союза, Майзель руководил нашим литературным университетом и т. д. И в то же время многие писатели, избранные в правление, по разным причинам не работали в руководстве.

Осталась маленькая группа людей, работавших в правлении, и то неравномерно, в частности, я долгое время отсутствовал из Ленинграда, в последний раз меня не было здесь 8 месяцев. Все это способствовало работе врага, давшего враждебное направление работе отдельных журналов и других участков работы союза. Н. Тихонов особенно подчеркивает засоренность врагами критического участка, на котором орудовали Горбачев, Камегулов, Бескина, Брустов, Старчаков, Мустангова, Штейнман и другие.

В писательской среде, в каких-то темных углах завелись грибки плесени в виде остатков распущенности, богемности, хулиганства, которые часто приобретают фашистский оттенок.

Однако, — продолжает тов. Тихонов, — когда из союза стали выбывать люди, разоблаченные как заклятые враги народа, мы механически вычеркивали их из своих списков, не делая политических выводов. Когда я вернулся, после восьмимесячного отсутствия, в Ленинград, я узнал, что в союзе никак не реагировали на августовский процесс, что собрания, посвященные обсуждению Конституции, прошли из рук вон плохо.

Потом, когда я вернулся с Чрезвычайного с'езда Советов, я узнал, что в союзе не стали обсуждать такого важного политического решения, как постановление Комитета по делам искусств о «Богатырях».

Мне об'яснили, что «союз опоздал с этим делом, и ему не к кому присоединиться, чтобы обсудить эти вопросы».

По возвращении со с'езда я прежде всего хотел сделать доклад об исторических днях принятия сталинской Конституции, но прежний ответственный секретарь литорганизации всяческими способами оттягивал мой доклад, и в писательском клубе мне удалось выступить лишь после того, как сделал семь докладов в других местах.

Мы видели, что так продолжаться больше не может и однажды заявили об этом на правлении. Но ответственные секретари попрежнему отмалчивались, попрежнему молчал «Литературный Ленинград». И только «Литературная газета» подняла вопрос о неблагополучии в ленинградском союзе, после чего начали говорить вслух о всех болезнях нашей литературной организации.

Большинство ленинградских писателей жило и работало вне союза, без его помощи и участия. Как ни странно, но поэты, о бездеятельности которых больше всего говорили в союзе, сделали ряд чрезвычайно интересных и даже исторических работ, как, например, армянская антология, которую А. М. Горький считал образцом для всех будущих антологий. Или возьмите работу над переводами украинских поэтов, казахстанских поэтов.

Н. Тихонов перечисляет ряд книг, которые созданы и создаются в Ленинграде.

Помогал ли кто-нибудь, — замечает он. — Л. Рахманову, создавшему подлинно народное произведение — «Депутат Балтики»; интересовался ли кто-нибудь работой талантливого писателя С. Колбасьева, говорили ли о романах Каверина, Кнехта, Марвича, о новой работе Ильина и т. д. и т. д.? Называя множество писателей, Н. Тихонов указывает, что эти имена никогда не упоминались в союзе.

Невнимание к писательской работе тем более нетерпимо, что деятельность писателя приобретает сейчас огромную важность.

В защите мировой культуры, мировой цивилизации советским писателям принадлежит далеко не последнее место. Разве не является выступление Ал. Толстого в Лондоне подлинной писательской работой, участием писателя в политической жизни?

Н. Тихонов говорит и о работе с молодыми писателями, которая и в союзе и в издательствах ведется неудовлетворительно, и о задачах, стоящих перед литературой накануне 20-летия Великой Пролетарской революции. Подготовка к 20-летию Октября должна быть всесторонне обсуждена собранием.

В заключительной части доклада Н. Тихонов указывает, что он солидаризуется с оценкой положения в ленинградском союзе, данной «Литературной газетой».—«Литгазета» правильно указывает, что уроки ленинградского союза должны быть учтены всеми организациями ССП. Жестокие слова «Литгазеты» справедливы. Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу, и мы сделаем это при условии самого широкого демократизма, беспощадной, откровенной и принципиальной критики. Надо помнить, что страна должна получить хорошие книги, иначе всем нам будет великий стыд, от которого не укроешься никакими резолюциями и декларациями.

Доклад о подготовке к 20-летию Октября т. **Н. Свирин** начинает с характеристики обстановки, которая сложилась в ленинградском союзе и которая не способствовала творческой подготовке писателей к величайшему празднику пролетариата. Говоря о подрывной работе троцкистской шайки на литературном фронте, Н. Свирин указывает на деятельность врагов народа в нашей критике. Он напоминает враждебные теории Мустанговой, ориентировавшей советских поэтов на упадническую поэзию конца XIX — начала XX вв. Эта враждебная теория еще не разоблачена до конца, и это делает понятным, почему имя Пушкина абсолютно отсутствовало во всех наших поэтических дискуссиях, вплоть до последнего времени, почему из ленинградских критиков ни один не нашел, что сказать о великом русском поэте в юбилейные дни. Следы неверной ориентации в вопросах классического наследия чувствуются в ряде критических статей. Душок эстетства сказался в барско-пренебрежительном отзыве критика Н. Коварского о фильме «Мы из Кронштадта» и в теории Л. Левина о так называемых «произведениях, построенных на материале», — гнилой теории, при помощи которой можно легко опорочить многие ценные произведения советской литературы.

Н. Свирин приводит примеры враждебных влияний и контрреволюционных проявлений в ленинградской литературе.

Б. Корнилов, например, не так давно пустил по рукам стихотворение «Елка», в котором опоэтизировал судьбу чуждых, враждебных элементов.

Политическое двурушничество ярко выразилось в стихах не такого уж молодого поэта — Калитина, который несколькими «советскими» словечками пытался прикрывать антисоветскую сущность своих стихов. И не случайно, что Калитин печатался главным образом в «Резце», редакторами которого были Горелов и Майзель.

Наконец Н. Свирин вспоминает увлечение «чистой лирикой», «любовными переживаниями», охватившее целую группу ленинградских поэтов. Критика не дала должного отпора этому явлению, а ведь речь идет не о том, что нельзя писать о любви, а о том, что группа поэтов отошла от боевых вопросов советской поэзии.

До сих пор многие ленинградские поэты не дают себе отчета и в том, что представляет собой линия Пастернака в поэзии, куда ведет эта линия. Чего стоит, например, заявление молодого поэта В. Лифшица: если Пастернак и Сельвинский не величайшие вершины нашей поэзии— он бросает писать стихи.

Н. Свирин приводит и ряд фактов, иллюстрирующих вредительскую работу в руководстве союза. Таким вредительством был курс на единоначалие, проводимый Гореловым. Свои враждебные установки Горелов прикрывал почтенными лозунгами.

Под видом «заботы о писателе» — писатель, мол, должен сидеть дома и писать, его не нужно отрывать союзной работой,—Горелов стремился изолировать руководство от писательской массы, а это, как мы знаем, привело к вопиющим безобразиям в работе союза. Или, прикрываясь лозунгом борьбы за качество, Горелов систематически «затирал» произведения писателей — коммунистов и молодых авторов.

Сейчас ясно, как орудовал враг, но это не снимает ответственности за притупление бдительности и с членов правления, и прежде всего — с партийной части правления. Мы, — говорит Н. Свирин, — либеральничали, ротозейничали, не сумели разоблачить врага. Это надо признать.

К сожалению, в докладе т. Тихонова в этом отношении нехватило самокритики.

Нам надо сказать, что в ряде случаев мы не сумели разоблачить врагов, хотя я должен заявить, что в последние 3—4 месяца партийная организация союза проделала большую работу, и Горелов был разоблачен именно партийной организацией союза писателей.

В числе разоблаченных врагов, — указывает т. Свирин, — нет ни одного значительного писательского имени. Основная масса писателей вполне здорова, она может работать и работает. Приближающаяся великая дата 20-летия Великой Пролетарской революции является для ленинградских литераторов серьезнейшим экзаменом.

Н. Свирин называет важнейшие темы, которые должны отобразить в своем творчестве писатели Ленинграда, и делает обзор творческой работы ленинградских писателей, оговариваясь, впрочем, что он оперирует неполными сведениями.

Группа писателей работает над произведениями о вождях нашей партии. Это — пьесы о Ленине, которые пишут Ал. Толстой и Б. Лавренев, сценарий о Ленине, написанный А. Каплером. В Лентослитиздате готовятся сборники о Сталине и Кирове. С удовлетворением можно назвать прекрасный сценарий Н. Тихонова и Л. Арнштама «Друзья». Над сценарием «Сережа Костриков» работает Л. Пантелеев. Книгу «Мальчик из Уржума» написала А. Голубева, детский писатель Лебедев пишет книгу о Серго Орджоникидзе. В этот же раздел могут быть включены пьеса Д. Щеглова «Маяр» (о Карле Марксе) и поэма Лихарева «Урицкий». Незначительное количество писателей, к сожалению, работает над произведениями о городе Ленина: книгу стихов о Ленинграде пишет Н. Тихонов и сценарий о Ленинграде — Ю. Герман. Со скрипом делается сборник «Знатные люди города Ленина», довести его до конца — дело чести ленинградских писателей.

Многие писатели работают над произведениями, отображающими историю Октябрьской революции и гражданскую войну в СССР. Здесь тов. Н. Свирин особо выделяет сборник рассказов о становлении советской власти (октябрь 1917 г.,— февраль 1918 г.), задуманный журналом «Лит. современник».

Плохо обстоит дело с показом современной Красной армии, вооружения нашего противника в будущей войне, но темой о наших славных пограничниках заинтересовалось немало ленинградских литераторов.

Темам наших дней посвящены новые книги Ю. Германа, М. Чумандрина, М. Зощенко, М. Ильина, О. Форш, А. Решетова, И. Кашицы, А. Черненко и др. писателей.

Поэтому, — говорит Н. Свирин, — слухи о чрезмерном увлечении ленинградцев исторической темой преувеличены, хотя в этой области Ленинград создал также выдающиеся произведения, как роман Ю. Тынянова «Пушкин» (перечень произведений, названных Н. Свириным, приводится нами в очень неполном виде).

Трудно еще сделать общие выводы, — заканчивает тов. Свирин, — но все же надо сказать, что не все ленинградские писатели всерьез задумались над юбилейными темами, а во многих произведениях чувствуется налет будничности. Многие книги и пьесы не обеспечены издательскими постановочными договорами, и наконец большинство авторов запаздывает с окончанием работ.

В этом большая степень вины лежит на правлении союза. Нам надо решительно перестроить свою работу, целиком направив ее на подготовку к 20-летию Октября.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Писатели критикуют работу союза. — Выступления П. Медведева, А. Гитовича, М. Чумандрина, Б. Лавренева, М. Козакова, В. Каверина и др. — Покончить с либерализмом, ротозейством, равнодушием. — Внимание творчеству! — По-новому работать с молодежью.

Начинаются прения по докладам Н. Тихонова и Н. Свирина.

Уже в первых выступлениях дается резкая критика деятельности правления ленинградского союза.

— Работа правления была так «законспирирована», — говорит **П. Медведев**, — что члены союза не имели никакого представления, чем занимается руководство союза. Сейчас из доклада Н. Тихонова выходит, что все в союзе делалось помимо правления, помимо его воли. И если на нашем собрании докладчики с огромной искренностью полытожевали провалы и ошибки, позволительно спросить: почему мы так великолепно умеем констатировать наши недочеты, но не умеем предвидеть их и исправлять на ходу. **Ошибки союза могли произойти только потому, что руководство оторвалось от широкой массы писателей, не учитывало, что думает масса о каждом человеке.**

О затхлой атмосфере семейственности, угодничества, царившей в правлении и в аппарате ССП, рассказывает **А. Гитович.** Бывший отв. секретарь союза А. Горелов, с первых же дней своей работы проводивший своеобразное «единоначалие», глушил всяческие попытки критики. В свое время тов. Гитович был вызван в кабинет этого «руководителя», и ему было заявлено:

— До сих пор ты критиковал меня как критика, а теперь я ответственный секретарь союза. Критикуя меня, ты будешь критиковать политическое руководство. Сделай из этого выводы.

Такие методы руководства не могли содействовать самокритике.

— Сейчас, — говорит т. Гитович, — на нашем собрании мы слышали призыв Н. Тихонова к полной и откровенной критике. Вот мне бы хотелось, чтобы Тихонов с полной откровенностью высказался по ряду важнейших творческих вопросов.

Мы знаем, что среди молодых поэтов есть люди, которые до сих пор «молятся на Пастернака», и в этом повинны разоблаченные ныне враги народа, канонизировавшие поэзию Пастернака. Разве не следовало бы Н. Тихонову, самому крупнейшему для нас авторитету и для меня и для поэтической молодежи, высказать свое отношение к Пастернаку? Но ни Тихонов, ни Прокофьев, ни Саянов, ни Браун до сих пор ничего не сказали о том, что они думают о Пастернаке, о его линии в поэзии. А на дискуссии о формализме Прокофьев предпочел критиковать старого пролетарского поэта И. Садофьева.

У нас не было и откровенных разговоров о книге Тихонова «Тень друга». Я считаю, что эта книга требует самого серьезного внимания, она выделяется на общем фоне нашей поэзии.

Кругозор поэта Тихонова очень велик. Тихонов видит будущие события, грядущие бои с фашизмом, приближающуюся последнюю схватку. Тихонов понимает ответственность поэта, и в этом отношении он должен служить примером для всех нас. И все же последняя книга стихов Тихонова не может меня удовлетворить.

Против этой книги обращаются прежде всего прекрасные статьи самого Тихонова, написанные в пушкинские дни, статьи, где он говорит о поэзии Пушкина, о народности и точности поэзии.

На нашем собрании, — говорит т. Гитович, — надо поставить вопрос о тех людях, общественно-политическое положение которых вызывало и вызывает нашу тревогу. Ведь с исключением Б. Корнилова из союза получился один смех.

Человека исключают за безобразия, порочащие советского писателя и советского гражданина, но исключают на один год и оговаривают это постановление особым пунктом: журналы «Звезда» и «Литературный современник» должны работать с Корниловым. Но вот здесь, на этом собрании сидят ничем не опороченные молодые поэты и писатели и мечтают лишь о том, чтобы с ними поработали. Но журналы, исполняя постановление президиума союза, один за другим начинают печатать стихи Корнилова, стихи посредственные и халтурные.

— Как можно оценить политическую обстановку, создавшуюся в союзе? — спрашивает **М. Чумандрин.** — Надо признать, что фактическое руководство союзом оказалось в руках вредителей и врагов народа.

Вредительская работа врагов шла во многих направлениях. Она заключалась в попытках отрыва беспартийных писателей от писателей-коммунистов. Ведь еще совсем недавно приглашенный в клуб писателей в качестве директора и ныне разоблаченный как прямой враг, некий Святловский, открыто агитировал среди беспартийных, наименее устойчивых товарищей: «подальше от коммунистов».

Горелов и его присные, засевшие в критике и редакциях, добились того, что писателей-коммунистов перестали печатать. Второе направление гнусной работы было в отрыве молодых писателей от стариков и в неправильной ориентировке творческого роста молодежи. Нам ясно, откуда идет заявление бывшего члена центральной литгруппы Дагаева о том, что он пишет не для широкого советского читателя, а для узкого круга интеллигенции. Третья линия — это игнорирование демократических основ нашей работы. Это была сознательная вредительская работа, направленная на подрыв доверия писателей к своей писательской организации. Четвертая линия сводилась к тому, чтобы заглушить все попытки самокритики.

Резкой и справедливой критике работы союза посвящают свои выступления А. Розен и Д. Щеглов, Т. Трифонова и К. Золотовский в основном критикуют работу детской секции союза писателей. Сообщение о работе Лентослитиздата к 20-летию Октября делает директор издательства **М. Орлов.** Считая, что «Государственное издательство художественной литературы является производственным цехом союза советских писателей» (?), тов. Орлов заявляет, что в работе издательства отразились недочеты, вскрытые в литературной организации. Однако, далее тов. Орлов признает, что издательство должно было не только ожидать готовых книг, но само выступить организатором юбилейных изданий. Этого издательство не сделало. В договорном портфеле есть ряд интересных книг, но выйдут ли они к юбилейным дням — уверенности в этом у собрания не создалось.

В сущности, М. Орлов сам считает наиболее реальными книгу А. Толстого «Хлеб», книгу В. Саянова «Немцы под Петроградом», очерк о Дальнем Востоке М. Шкапской, пьесу О. Форш «122-я статья Конституции», книгу Колбасьева «Дружба», сборник о Сталине и Кирове, новую книгу Ю. Германа и несколько «юбилейных переизданий».

Критикуя работу Лентослитиздата, **Б. Лавренев** говорит о самоуспокоенности издательства, не сумевшего как следует подготовиться к 20-летию Октября. Совсем недавно на заседании президиума ССП тов. Орлов прочитал более короткий список юбилейных изданий. После критики писателей он включил в этот список несколько книг из общего издательского плана. Правда, указывает тов. Лавренев, так и неизвестно, почему раньше М. Орлов не решался включить хорошую книгу С. Колбасьева «Дружба» в число юбилейных изданий. Говоря о работе издательства, Б. Лавренев заостряет вопрос и о возмутительных опозданиях журнала «Звезда», мимо которых не могут пройти писатели. В Ленинграде давно уже получен февральский номер испанского революционного литературного журнала, который выходит буквально под бомбами германских и итальянских самолетов. А когда выйдет февральский номер «Звезды» — так и неизвестно.

Останавливаясь на работе союза, Б. Лавренев указывает, что члены правления должны признать свою вину и в том, что не сумели своевременно раскрыть гнусную деятельность контрреволюционеров.

Об этом же говорит тов. **Козаков.** В нашей организации,— указывает он, — были лишь организационные формы, а настоящей творческой работы не было. Враги стремились «отучить» писателей от общественной и политической жизни.

Наиболее яркий факт, который приводит М. Козаков, как пример равнодушия к творческой работе писателя, это случай с замечательным романом Ю. Тынянова «Пушкин», о котором говорит вся страна. О книге Тынянова до сих пор ничего не было сказано в ленсоюзе писателей.

Другой пример — это история с книгой дальневосточных рассказов писателя Тоболякова. Эти рассказы печатались и в «Знамени» и в «Литературном современнике», но Гослитиздат отверг книгу писателя на том основании, что он... не знает этого писателя, у этого писателя нет еще книг. Другое издательство — «Советский писатель» — отказалось рассматривать книгу В. Тоболякова потому, что ее... отверг Гослитиздат!

Несколько раз М. Козаков ставил вопрос об этом безобразном случае на правлении, но руководство союза осталось равнодушным.

— Нам надо говорить, — считает **В. Каверин**, — не только о том, что литературная жизнь шла мимо правления, но и о самой литературной жизни. Я не разделяю той точки зрения, что у нас плохая литература. Это неверно! Наша литература одна из лучших в мире, и все же мы сделали меньше того, что надо было сделать и что мы можем сделать. В. Каверин ставит интересный вопрос об изменяющейся теме, о том, что многие книги, написанные несколько лет назад и казавшиеся в свое время большим событием, теперь мертвы: в них есть бумага, буквы, но нет волнующего читателя произведения.

Нам надо подумать о том, как запечатлеть в наших книгах величайшую эпоху, современниками которой мы являемся. Этого требует от нас читатель, но часто, занятые размышлениями о своем литературном положении, мы о читателе забываем, как забываем о больших задачах, стоящих перед литературой. Часто 50 процентов нашего времени уходит на обиды, а другие 50 процентов — на размышления об этих обидах.

На собрании выступили также Л. Франкфурт (обл. редакция «Истории заводов»), Алексеев (зав. библиотекой им. Пушкина), П. Лукницкий и Д. Выгодский, очень хорошо говоривший о недооценке в союзе такой важной и значительной работы, как работа переводчика.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

В «Советском писателе» не лучше, чем в Ленгослитиздате. — Стена равнодушия. — Ошибки редактора Добина. — Вредные утверждения т. Эйхенбаума. — Речь т. Ставского

Третий день собрания начался с выступления представителя издательства «Советский писатель» **Я. Горева**, признавшего, что и в этом издательстве положение с книгами к 20-летию Октября обстоит не лучше, чем в Ленгослитиздате.

Мы плохо знаем людей, — говорит т. Горев, — все наше внимание сосредоточилось на той же «обойме» писателей, о новых авторах узнаем мы случайно. В договорном портфеле ленинградского отделения издательства, по словам т. Горева, находятся 16 новых книг, в редакции — 12 книг. Но не все книги реальны, и трудно ожидать, что к 20-летию Октября выйдет больше, чем 10 книг, в том числе ряд сборников.

Тяжким обвинением союзу писателей прозвучала содержательная речь старого эстонского писателя **Пегельмана.** Рассказав об огромном политическом значении творчества революционных писателей национальных меньшинств — финнов, эстонцев, латышей, работающих в Ленинграде, он говорит о преступном равнодушии, которое встречали работы этих писателей в союзе. Большинство латышских писателей-коммунистов, например, вообще не были приняты в союз.

В приеме было отказано и т. Пегельману и в конце концов этого 62-летнего человека с 34-летним стажем революционного литератора и 32-летним партийным стажем приняли в... кандидаты союза (!) О «стене равнодушия» говорил и финский писатель **Аапто.** Об этом же нетерпимом равнодушии должен был заявить и старый рабочий поэт, машинист электростанции тов. Тихомиров.

Речь тов. **Добина** в основном была посвящена эпическому перечислению грубых политических ошибок, совершенных в руководимой им газете «Литературный Ленинград». Об этих ошибках не раз писали «Правда», «Ленинградская правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Смена», о них много говорили на собраниях. Неудовлетворительной должен был признать т. Добин и работу руководимой им секции критиков-литературоведов.

Между тем, как сказал в своей речи Б. Эйхенбаум, не только вопросы критики, но и вопросы литературоведения должны были стать большим вопросом в работе союза.

Литературные традиции XVIII—XIX вв., — говорит **Б. Эйхенбаум,** — являются для нас не академическим вопросом, не темами для академического исследования, но вопросами живого литературного творчества. Недаром мы говорим, что Пушкин — наш современник. Внимание союза к литературоведению особенно важно потому, что в этой области от мелкой комментаторской работы мы переходим в новую стадию литературоведения, более ответственную и интересную.

Примером такой новой работы может служить «Библиотека поэта» — та «малая серия» библиотеки, которая так быстро выходит и еще быстрее раскупается читателями и по поводу которой издательство получает огромное количество писем. По этой библиотеке широкие массы новых советских читателей изучают историю русской поэзии. Вся эта ответственная работа над «Библиотекой поэта» проводилась кустарно, союз не оказывал ей никакого внимания.

Правильно критикуя незаинтересованность союза творческой работой своих членов, Б. Эйхенбаум допускает, однако, глубоко ошибочное утверждение, смысл которого сводится к тому, что острая политическая бдительность несовместима с деловой творческой работой союза. Это вредное утверждение Эйхенбаума было основательно раскритиковано на собрании.

Выступление **С. Безбородова** еще раз показало нездоровую атмосферу, которая парит в секции детских писателей. Правление союза ничего не сделало, чтобы оздоровить участок детской литературы, в которой часто принципиальные творческие споры заменяются вредной склокой и групповщиной.

— Истекшие два года, — заявил в своей речи **А. Прокофьев,** — у ряда ленинградских поэтов прошли под знаком освоения лирики. Однако, это «освоение» оказалось очень однобоким, я и мои товарищи взяли под свою опеку главным образом любовную лирику и стали клясться в верности своим настоящим и вымышленным возлюбленным. Мы «засентиментальничали», и из нашего поля зрения, из нашей практики, к несчастью для нас, почти выпало такое важное дело, как боевая политическая лирика. Здесь нам нечем хвастаться, но я должен заявить, что нас не удовлетворяет и то, что сделано в этом плане некоторыми моими соратниками. Очень много стихов, появившихся в газете, — считает А. Прокофьев, — написано наспех.

Далее А. Прокофьев выражает свое несогласие с критикой книги Тихонова «Тень друга», прозвучавшей с этой трибуны, однако, эту часть своей речи не аргументирует. А. Прокофьев заостряет вопрос о ранней профессионализации поэта, приводящей к отрыву от работы и учебы, а иногда и к богеме. От богемы и хулиганства до фашизма, как сказал Горький, расстояние короче воробьиного носа. Свидетельством этого является история с П. Васильевым и Б. Корниловым.

На конкретных примерах **Н. Брыкин** показывает, как разнообразна и подла была тактика врагов, орудовавших в союзе и пытавшихся посеять рознь между коммунистами и беспартийными писателями. Враги не брезгали никакими средствами: ложью, клеветой и т. д.

— Наш союз, — замечает **К. Чуковский,** — был подобен средневековому представлению об устройстве мира: земля, а над ней семь небес, и на каждом из этих небес ходили свои звезды. Но эти небеса не соприкасались не только с землей, по которой ходила писательская масса, но и друг с другом. Работа секретариата и президиума была так засекречена, что о ней не знала даже ревизионная комиссия, в которой я работал. В свое время ревизионная комиссия, усмотрев все же в работе союза крупные политические ошибки, составила соответствующую записку, вручила ее ответственному секретарю союза, но он отказался передать ее на рассмотрение правления, заявив, что ваше дело — критиковать финансы, а не политическую работу союза.

— Никто из нас не может уклониться от ответственности, — заявляет **М. Слонимский.** — Не могу этого сделать и я, как один из членов правления союза. Но дело не в констатировании фактов, а в политических уроках, которые нам надо извлечь. Работа правления проходила в затхлой атмосфере. Основы советского демократизма грубо попирались, и не только правление было оторвано от писательской массы, но в самом правлении руководство было фактически передоверено секретариату союза. Самокритика с трудом пробивалась сквозь окостенение, в котором находилось правление. Ведь известен случай, когда решение правления, осуждающее ряд вредных статей в «Литературном Ленинграде», после закрытия заседания было переписано Гореловым, от критики не осталось и следа. Политическая работа в правлении саботировалась, обсуждение творческих вопросов срывалось. И, вместе с тем, нас окружали откровенной клеветой, нам подсовывали ложные факты, ложные обвинения тех или иных писателей в рвачестве и т. д. и т. д. Результатом всей вражеской работы было, что последний год был у нас годом небывалых склок среди членов правления.

Работа Литфонда не была целиком связана с творческой работой писателя, в ней имелись элементы беспринципности. Разумеется, вся эта обстановка не могла содействовать творческой деятельности писателей. Между тем наша творческая работа должна была заключаться не только в том, чтобы отмечать творческие удачи, но и в особом внимании к писателю, которого постигла неудача, авария.

На собрании выступили С. Рубен, критиковавший работу драмсекции, молодой драматург Потапов, критик Р. Мессер.

Третий день собрания закончился большой речью **В. Ставского.**

— Успехи социализма в нашей стране приводят в ярость наших врагов. Они пускаются на крайние средства борьбы, и дорого уплатил бы враг, чтобы оторвать от партии отряд советских писателей. В. Ставский рассказывает о том, как вредительствовал враг не только в Ленинграде, но и в других литературных центрах.

Это требует от нас усиления бдительности на литературном фронте, и поэтому глубоко ошибается Б. Эйхенбаум, когда в своем выступлении совершенно неправильно ставит вопрос о бдительности в союзе писателей. Нет, бдительность нужна на каждом участке нашей работы, в повседневной жизни, в быту, хотя у рабочей общественности, у партии нет никаких сомнений, что подавляющее большинство наших литераторов — люди советские, доказавшие преданность нашей партии. Среди разоблаченных врагов нет ни одной крупной писательской фигуры, сплошь и рядом это окололитературные, затесавшиеся в литературу люди.

Бороться за большее количество и высокое качество книг, — говорит В. Ставский, — наша основная задача. И тут я должен указать т. Тихонову и т. Свирину, что, перечисляя книги тех или иных товарищей, проблему качества в своих докладах они обошли. Нельзя было, например, ставить в один ряд разные книги: и ничем не примечательные произведения, и произведения, по которым должна равняться наша литература.

Я не сторонник общих разговоров об отставании литературы. У нас есть произведения, которыми гордится вся страна, которые стали подлинно народными произведениями, а авторы некоторых из них получили ордена. Разве эти ордена писатели получили за отставание? Но надо говорить не только о ведущих книгах. Нельзя забывать и о произведениях, не являющихся особо выдающимися, но которые приняты и оценены читателем. В. Ставский считает неверным, когда Р. Мессер огульно снимает вопрос о так называемой «средней» литературе, считая этот вопрос «оппортунистическим».

Надо отличать среднюю литературу от сырой, недоработанной книги. У нас бывает, что писатель напишет книгу левой ногой и считает возможным преподнести ее читателю. Я читал на-днях в «Литературном современнике» главы из книги Н. Брыкина о наступлении Юденича. Прекрасный материал, замечательная тема. Первая часть меня захватила, но потом все сошло на-нет, писатель стал обращаться с материалом небрежно. Я говорил с тов. Брыкиным, он согласился со мной: «недоработал». Зачем же печатать недоработанную вещь, чем виноват читатель?

К сожалению, — говорит тов. Ставский, — часто мы находимся в плену старых представлений о том или ином писателе и не умеем разобраться в новых произведениях. Мы плохие хозяева. Чем об'яснить равнодушие к ленинградскому писателю Колбасьеву, к целому ряду других литераторов, которые до сих пор забывались у нас, если не оставались вообще за бортом.

Нашей работе мешает то, что некоторые из нас организационную работу считают просто возней. Если бы была заинтересованность в работе союза всех членов литорганизации, если бы у нас была развернута критика и самокритика, если бы в нашем союзе не нарушалась советская демократия, многие явления, вскрытые сейчас в Ленинграде, в Киеве, Армении, да и в Москве, были бы вскрыты раньше. Болезненные явления будут у нас живы до тех пор, пока мы будем с ними мириться.

Нам нужна сплоченная организация, помогающая выполнению огромных задач, стоящих перед писателями. В. Ставский рассказывает о ярких фактах советской жизни, о десятках боевых интересных тем, ждущих советского писателя. Он говорит о гигантском, мировом значении советской литературы. Он призывает быть вдумчивыми хозяевами советской литературы.

Надо покончить с беспечностью! — говорит т. Ставский. — Народу у нас много, народ у нас умный. Я призываю вас к сплоченности, к разрешению на основе развернутой советской демократии всех боевых задач, которые стоят перед нами, советскими писателями.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Н. Заболоцкий о Б. Пастернаке.—Речь т. Цильштейна. — Вс. Вишневский о задачах союза писателей. — Заключительное слово.

Наше собрание, — говорит тов. **Соболев,** — создает атмосферу для настоящей работы. Мы как бы очнулись от ленивого и равнодушного сна. Обстановка равнодушия, незаинтересованности, господствовавшая у нас в организации, — я должен сознаться, — убивала всякое желание участвовать в большой работе союза, о которой говорил нам тов. Ставский.

...Попрежнему на собрании развертывается критика работы союза. Тревожные факты, говорящие о неблагополучии воспитания литературной молодежи, привел в своей речи **В. Эрлих.**

Сообщение о подготовке к 20-летию Октября журнала «Звезда» сделал **Н. Лесючевский.** На работе журнала пагубно отразилось хозяйничанье Горелова, долгое время окружавшего редакцию такими сотрудниками, как троцкисты и заклятые враги народа — Мустангова, Старчаков, Брустов и др. Н. Лесючевский требует внимания к старейшему ленинградскому журналу от литературной общественности и от издательства.

С интересом выслушало собрание **Н. Заболоцкого.**

— Вопрос о Пастернаке и Сельвинском, — сказал Н. Заболоцкий, — выдвинутый на последнем пленуме правления ССП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, недостойным нас, носителей советской поэтической культуры. Люди боялись, что критика Пастернака означает солидарность с Уткиным, Жаровым, Алтаузеном, которые нас мало удовлетворяли в смысле художественной ценности их произведений. И тем, что мы не выносили этих вопросов на широкое обсуждение, мы совершили грубую ошибку. **Корабль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака. Корабль советской поэзии взял курс на искусство народное, на высококачественное искусство, близкое и понятное массам. «Комнатное» искусство остается в стороне.**

С. Марвич огласил любопытную статистику, характеризующую работу союза и издательства к 20-летию Октября. Союз запрашивал о работе Марвича к 20-летию Октября... восемь раз, Лентослитиздат запрашивал о том же четыре раза, «Советский писатель» — всего только один раз. Но независимо от количества вопросов, результаты остались одни и те же. В какой мере использованы ответы писателей — остается тайной издательств и союза. Но в то же время, — говорит С. Марвич, — планы издательств совершенно справедливо не удовлетворили собрание. В плане Лентослитиздата трудно отделить юбилейные издания от книг, выходящих в общем порядке. А эти «обычные» книги не всегда реальны и часто перенесены из прошлогодних невыполненных планов. Будут ли они изданы сейчас?

Окончание см. на 3 странице.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Окончание. Начало см. на 2 стр.

С большой речью выступил отв. секретарь Ленсоюза тов. **И. Цильштейн.** Он говорит о том, что обстановка, в которой происходит собрание, совершенно необычна для ленинградской литературной организации. Впервые в стенах союза прозвучала критика и самокритика, направленная на вскрытие больших и малых недочетов, имевших место в работе союза. Но все же некоторые вопросы в прениях обойдены. Мало говорилось об участке детской литературы, на котором большую работу проводят Маршак, Ильин, Шварц и другие, мало говорилось о переводчиках, о национальной литературе, недостаточно обсуждены и насущные вопросы нашей драматургии. Не может претендовать, — указывает тов. Цильштейн, — на полноту и доклад тов. Свирина о подготовке ленинградских писателей к 20-летию Октября. В сущности, этот основной вопрос до сегодняшнего дня остается как бы в тени. Нельзя не согласиться с товарищами, утверждавшими, что правление не знало и не знает многих тем, над которыми работают ленинградские литераторы.

И. Цильштейн заостряет вопрос о **качестве** творческой работы писателей, отмечая, что кое-кто пытается замазать этот вопрос ссылками на то, что его серая, сырая книжка была забракована в прошлом, когда в союзе и в издательствах орудовали враги.

Останавливаясь на вредительской работе шайки троцкистов, затесавшихся в литературную организацию, И. Цильштейн зачитывает очерк, напечатанный в гореловском «Резце», где автор клевещет на героическую революционную Испанию. В этом же журнале Горелов и Майзель печатали и стихи, клевещущие на героев республиканской Испании и другие враждебные произведения.

Касаясь перестройки работы союза, И. Цильштейн говорит о внедрении во все звенья литорганизации духа советского демократизма. Надо добиться подлинного коллективного руководства, — его долгое время уничтожал Горелов.

Вредительская работа Горелова была бы вскрыта раньше, если бы члены правления более активно работали в союзе. Надо решительно отказаться от назначенчества, широко развитого в литорганизации. И. Цильштейн подробно говорит о работе с молодыми кадрами.

Эта работа, по уставу союза, является одной из важнейших задач писателей. Между тем ленинградский союз выполнял ее из рук вон плохо.

В последний день собрания выступили: **В. Заводчиков, Е. Полонская, Г. Матвеев, А. Штейн, А. Решетов, С. Семенов, И. Гринберг.** Большей искренности и самокритичности собрание ожидало от выступления Н. Коварского, литературно-теоретическая деятельность которого критиковалась многими ораторами.

С большим вниманием собрание выслушало яркую речь **Вс. Вишневского.** Он напомнил писателям, что собрание происходит в дни, когда мысль идет синхронно с теми событиями, которые развивались 20 лет назад в Ленинграде. Вс. Вишневский говорит о революционной роли города Ленина, о великом историческом прошлом русского народа, о близости часа решительной схватки с фашизмом, готовящимся напасть на нас.

Вс. Вишневский говорит об ответственности советского писателя перед партией, перед народом, перед всем прогрессивным человечеством. Он говорит о величии тех задач, которые стоят перед советскими писателями — передовым отрядом мировой литературы.

В заключительном слове тов. Тихонов указывает, что впервые за 33 месяца существования ССП ленинградские писатели говорили о том, что волнует их, о том, какой они хотят видеть свою литературную организацию. На этом, продолжавшемся 4 дня, собрании впервые в наш союз ворвалось дыхание жизни, мы услышали голос писательской массы. И каждому из нас было стыдно и мучительно, что мы так равнодушно относились к судьбам своего союза.

Вновь останавливаясь на ошибках в работе союза, Н. Тихонов подчеркивает, что уроки собрания не пройдут даром для жизни ленинградской литературной организации.

За четыре дня в прениях выступило около 50 человек (записалось — свыше 100). Собрание приняло резолюцию, отмечающую основные недостатки в работе союза и предлагающую правлению направить свою деятельность на усиление подготовки к 20-летию Великой Пролетарской революции. Решено в течение ближайших трех месяцев произвести новые выборы правления, а также выборы бюро во всех творческих секциях.

Собрание приняло приветствие лучшему другу советской литературы — тов. Сталину и руководителю ленинградских большевиков тов. Жданову.

Приветственная телеграмма посылается находящемуся в Испании специальному корреспонденту «Правды» Мих. Кольцову.

И. А. Мазин (Городец). «Конь». Игрушка. 1933 г. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галлерее

Обсуждаем вопросы перестройки ССП

Н. ВИРТА

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Нужен или не нужен союз писателей? Конечно, союз нужен, нам нужно настоящее, большое, серьезное содружество писателей, такое содружество, которое для себя лично я нашел в редакции журнала «Знамя».

Но каким он должен быть? Не таким, какой он сегодня, не с такими методами работы.

Я—молодой член союза писателей, молодой писатель. Год тому назад в канцелярии союза мне дали прочитать постановление секретариата о приеме меня в союз, затем я получил коричневую книжечку, и торжественное посвящение в содружество писателей нового члена закончилось. Никто из «маститых» наших руководителей со мной не беседовал, никто не узнал, кто я, из какого лагеря, какими путями пришел я к коммунизму, какие мысли у меня в голове, какие чувства в сердце, какие темы я взял для себя, что я думаю делать, как, когда... В мрачноватых комнатах ССП сидели люди, они что-то строчили, что-то читали, кому-то звонили, собирались в командировки, заседали, писали резолюции... Оживление царило в кабинете Д. Ляшкевича, — этот неутомимый человек с утра до вечера подписывал чеки и старался как можно меньше тратить денег, ибо он отлично понимал, что половина этих денег уходит зря, он доставал квартиры, ремонтировал кабинеты секретарей и т. д. У него жизнь кипела. Так, вспоминается, было год назад.

Так это есть и сейчас.

Что сделал союз за этот год? Каких писателей открыл он? Какие плоды дали поездки инструкторов, консультантов и референтов? Какие вопросы обсудили секции и какие из них работают, а какие умерли? Какие вопросы решил секретариат, президиум? Почему так много в нашем союзе заседаний при закрытых дверях? Почему, на самом деле, руководство союза так много занимается Пильняком и его горестями, которые проистекают из того, что он пишет плохие книги и их не читают? Так пусть пишет хорошие!

Всего этого я не знаю.

В чем же беда союза и его руководства?

Правление ССП больше всего занималось не творческими вопросами, а материально-бытовыми, потому что оно обслуживало, интересовалось и опиралось в своей работе не на всю писательскую массу, а на группу людей, среди которых немало потерявших или почти потерявших свои литературные имена и живущих на остатках прошлых заслуг (которые, кстати, никто у них отбирать не собирается).

Каково, по моему мнению, должно быть сейчас основное направление в работе союза и его руководства? Прежде всего—поиски новых людей, талантливых, смелых, беспредельно преданных социализму (а не подобных Пастернаку, Пильняку и т. д.), умеющих и желающих работать. Ставка на них, на это молодое (не в смысле лет), здоровое литературное поколение, забота об его успехах, его учебе, привлечение его к руководству, широкая пропаганда его произведений, сопряженная с серьезной большевистской критикой.

Было бы глупостью делать из моих слов вывод, будто союзу надо забыть старшее поколение литературы. Ерунда!

Но не на этом же поколении свет клином сошелся! Умейте искать и находить писателей! Узнавайте их и помогайте им! Умейте привлекать их к себе, завоевывать их сердца, день приема их в союз пусть будет радостным, ясным, счастливым днем! Уберите чванские перегородки между нами и «стариками», не надо похлопывания по плечу и заявлений в духе известного выступления А. Фадеева на пленуме ССП. Каков бы ни был твой товарищ, у тебя должны найтись слова и средства общения с ним, а стало быть, и средства воздействия на него.

Таким образом, **первое**—это поиски людей, их выдвижение, их воспитание.

Второе. Союз должен категорически освободиться от всех материально-бытовых дел; их надо передать целиком правлению Литературного фонда, избранному самими писателями и им подотчетному. Это сразу даст руководству союза много времени для творческой работы с писателями.

Третье. Необходимо переизбрать правление союза на принципах широкой демократии, потребовав предварительно у него отчета о прошлой деятельности, отчета каждого секретаря и каждого члена президиума перед писателями. Кстати, необходимо на писательских собраниях решить—нужен ли столь громоздкий технический аппарат союза, нельзя ли его сократить вдвое, втрое, возложить работу с писателями на самих писателей.

Скажут: мы «привлекали», мы пробовали!

Одно дело—когда вы «привлекали». Другое дело— когда человек будет избран, облечен доверием масс, уверен в их помощи, в том, что эта его работа не будет означать отказ от литературной, его личной работы.

Кроме того, руководство союза должно избираться на год, не больше.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идут заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец,

пятое—частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочито подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация—великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководство придут люди, воодушевленные доверием и великой честью, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делячество, суетня,—появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Платон ГОЛОВАЧ

Политическая близорукость и бездеятельность

За последние годы в белорусской литературе изрядно поработали нацдемы и троцкисты и нанесли ей не малый вред. Этот вопрос должен быть постоянно в сфере внимания правления союза и парторганизации ССП. На писательских общих собраниях немало говорилось о борьбе с контрреволюционными нацдемами, но вся беда в том, что очень часто это были только разговоры «вообще». Меньше всего говорилось о конкретных людях и их произведениях. Характерно, что незадолго до разоблачения подвизавшейся в белорусской литературе значительной группы врагов народа — нацдемов, газета «ЛІМ» в передовой от 14/IX 1936 г. писала о писателях —бывших националистах: «Сегодня огромнейшее большинство из них **целиком и полностью стоят на советских позициях, преданно и искренне работают на пользу своему народу».** И следом же за этим газета заявляла: «Достижения в работе партгруппы КПБ(б) ССП Белоруссии действительно огромнейшие». Такое благодушие, такая политическая близорукость стали возможны только вследствие потери руководителями парторганизации ССП классовой бдительности, вследствие недопустимой самоуспокоенности. Немало способствовали этому распространенные в белорусском союзе писателей угодничество, лесть, подхалимство и боязнь нарушить «добрососедские» отношения между писателями.

В такой обстановке смог долгое время подвизаться в качестве редактора литературной газеты «ЛІМ» враг народа троцкист Дунец.

В союзе белорусских писателей царит полная бездеятельность, о чем совершенно правильно пишет «Лит. газета» в номере от 20 марта 1937 г. Бездеятельность в союзе, отсутствие самокритики (надо сказать, что среди писателей-коммунистов есть отдельные товарищи, произведения которых принято только хвалить), незаинтересованность президиума союза и парторганизации в жизни и творчестве писателей приводит к пассивности, инертности, спячке членов союза.

Союз не возглавил работы писателей над произведениями для «Двух пятилеток», парторганизация ни разу не занималась этим вопросом, так же как и вопросом подготовки к 20-летию Октября.

О слабости работы парторганизации свидетельствует и неумение на протяжении более чем двух лет организовать серьезную марксистско-ленинскую учебу беспартийных писателей. Сейчас мы стоим на пороге 20-летия Великой Пролетарской революции. Лучшие советские белорусские писатели работают над произведениями к 20-летию. Необходимо возглавить эту работу, руководить ею. Парторганизации нужно немедленно перестроить всю свою работу, как этого требуют решения последнего пленума ЦК ВКП(б).

Очень показателен для белорусского союза писателей тот факт, что до сих пор решения пленума ЦК парторганизацией по существу не обсуждены. Только перестроив организацию, мы, коммунисты, сумеем справиться с огромнейшей и ответственнейшей задачей, поставленной перед нами партией,—создать произведения, достойные нашей великой родины и великого нашего народа.

Больные вопросы

ОТКЛИКИ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Письмо из Минска, напечатанное в «Литературной газете» от 20 марта, и передовая статья этого же номера нашли широкий отклик в среде писателей БССР.

Статья и передовая оживленно обсуждаются.

Народный поэт Белоруссии Якуб Колас заявил нашему корреспонденту:

«Не-писатель» в своей статье по поводу положения дел в союзе советских писателей БССР поднимает ряд больных вопросов. Статья своевременна. Еще лучше было бы, если бы она появилась раньше. Недочеты, которые вполне можно было бы устранить, действительно плохо отражаются на работе нашего союза. Это относится в первую очередь к его руководству. Фактически на протяжении ряда месяцев оно или отсутствовало или же проявляло себя очень слабо. Подлинной широкой демократии в союзе не было.

Наши писатели до сих пор не сумели преодолеть известного консерватизма, в силу которого они замкнулись в стенах своих квартир в Минске. Это повело многих из писателей к отрыву от живительного творческого потока нашей замечательной жизни. Поэтому многие из нас разрабатывают тематику прошлого и не видят нового человека сегодняшнего дня, он отсутствует в нашей художественной литературе.

Белгиз работает очень плохо. Нет в издательстве людей, которые бы понимали и любили книжное дело. В издательстве царят казенщина и формализм, отсутствует элементарное внимание к людям, туда не хочется заходить.

Что же нужно сделать? В первую очередь необходимо по-настоящему укрепить руководство союза и издательства. Всю работу союза писателей нужно перестроить на основе внедрения широкой советской демократии.

Поэт А. Кулешов говорит:

Необходимо поднять вопрос о нашей молодежи. За последний год работа с молодыми писателями свелась к нулю. Они не чувствовали со стороны правления ССП ни заботы о себе, ни внимания к своей творческой работе. Никакой заботы о молодых писателях не проявляла и комсомольская организация союза. Это неудивительно. При попустительстве руководства ССП и парткома комсомольской организацией союза долгое время «руководил» политический проходимец, враг народа Микулич. Этот окололитературный прохвост развалил всю работу в комсомольской организации. Подвизаясь в газете «ЛІМ», он протаскивал на ее страницы бездарную стряпню себе подобных — Звонака, Хатулева, Сташевского — и беззастенчиво создавал себе рекламу.

Все это могло иметь место только в условиях полного забвения внутрисоюзной демократии. Поэтому я считаю сигнал «Литературной газеты» совершенно своевременным и правильным.

Поэты П. Бровка и П. Глебко, находящиеся сейчас в Доме творчества, прислали нам следующее письмо:

«Литературная газета» своевременно подняла вопросы о работе ССП Белоруссии и Белгиза. Остались считанные месяцы до двадцатой годовщины Великой Пролетарской революции, но ни союз, ни издательство по-настоящему не знают, чем они встретят эту историческую дату.

Надо работать, и работать напряженно, нужно добиться, чтобы белорусская советская литература достойно встретила годовщину Великого Октября. Пора серьезно, вплотную заняться творческими вопросами.

Думает ли правление ССП Белоруссии обсудить поднятые «Письмом из Минска» вопросы на широком писательском собрании? Пока ничто не свидетельствует о таком намерении. Собрание писателей, созываемое вместо предполагавшегося ранее пленума правления, назначено на 25 марта. Белорусские писатели должны положить на нем начало перестройки работы ССП.

С. ДЕЛЬ

«Дама с зонтиком». Мастер неизвестен. Резная игрушка. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галлерее в Москве

Новые томы «Истории гражданской войны»

Первый том «Истории гражданской войны», вышедший в прошлом году полумиллионным тиражом, получил самую высокую оценку широкой советской общественности. Первый том стал настольной книгой командира, вузовца, ученого, писателя. На фабриках и заводах, в красноармейских частях организуются коллективные читки и изучение первого тома.

Недавно вышедшее 500-тысячным тиражом удешевленное издание первого тома «Истории гражданской войны» разошлось мгновенно.

Сейчас закончен и сдается в главную редакцию «Истории гражданской войны» второй том «ИГВ», посвященный Октябрьскому восстанию в Москве, Петрограде и на фронте. Так же, как и первый том, он выйдет **полумиллионным** тиражом по подписке и таким же тиражом в удешевленном издании.

Об'ем второго тома — 30 печатных листов. Полиграфическое и художественное оформление его будет на таком же высоком уровне, как и первого.

Редакция «ИГВ» усиленно работает над подготовкой третьего тома, который будет посвящен Великой Пролетарской революции в нашей стране.

Второй том «Истории гражданской войны» выйдет в 1937 году.

К двадцатилетней годовщине Великой Социалистической революции готовятся два сборника документов и переписки. Первый сборник будет составлен из документов Петроградского военно-революционного комитета, второй сборник — из документов Московского военно-революционного комитета.

Оба сборника будут выпущены тиражом по 50 тысяч экземпляров каждый.

Пушкинские номера журналов

1

С большим опозданием вышли январские номера некоторых журналов, посвященные столетию со дня смерти Пушкина. «Красная новь» и поныне не вышла. Все это говорит о том, что не все редакции достаточно энергично готовились к пушкинским дням, проводили соответствующую организационную работу. Это отразилось не только на сроках выхода пушкинских номеров, но и на их содержании.

Отметим, что журналы «Знамя», «Новый мир» и «Молодая гвардия» не слишком расщедрились: «Молодая гвардия» поместила только три статьи о Пушкине (из них одна является выдержкой из труда Чернышевского о великом поэте), несколько пушкинских стихотворений и анкету на тему «За что мы любим Пушкина»; «Знамя» ограничилось статьями Шкловского и Тарасенкова; несколько больше места занимают пушкинские материалы в «Новом мире», но все они оставляют впечатление странной пестроты и легковесности. Редакция явно шла по линии наименьшего сопротивления. Вместо того чтобы углубленно поставить ряд серьезных проблем, связанных с творчеством Пушкина, курс был взят опять-таки на анкеты, информационные статейки и сообщения, рецензии и т. п.

Все эти материалы столь же мало воссоздают вдохновенный образ поэта, как и тот стихотворный «венок», который возложен «Новым миром» на могилу Пушкина. Холодное резонерство, тусклость слова, вялое однообразие метафор, поверхностная мысль — вот основные особенности стихов «Нового мира» (мы не беремся судить о стихах Джамбула, Мицишвили, Джансугурова, Витуни, Чичинадзе и др., так как они даны в переводах далеко несовершенных, а иногда и прозаических).

2

В «Литературном современнике» и «Звезде» заслуживают внимания статьи: Десницкого — «Пушкин и его дни», Мейлаха — «Подвиг поэта», Грушкина — «Пушкин и проблемы народности» и т. д. А. Цейтлин в большой статье «Записка Пушкина» убедительно опровергает легенду о том, что знаменитая записка поэта о народном воспитании явилась будто бы актом измены Пушкина своим прежним убеждениям. В результате подробного анализа записки Цейтлин приходит к выводу, что «ни в одном пункте... Пушкин не соглашается с тем, что в его пору осуществлялось Николаем I», что «Пушкин написал то, в искренности чего он был уверен, и написал это, сохранив все свое достоинство и независимость воззрения».

Большой интерес представляет в «Литературном современнике» отдел «Пушкинские места», в котором выделяется своей документацией и увлекательным изложением статья Якубовича «Михайловское и Тригорское». Перекликается с этим отделом своеобразный сценарий Виктора Шкловского «По следам Пушкина». Это сценарий без сюжета, без действия. Шаг за шагом проделывает автор весь пушкинский маршрут, воскрешает перед нами вещи, места, людей, которые в той или иной мере связаны были с судьбой поэта, нашли то или иное отражение в его творчестве. Но так насыщена драматизмом вся жизнь Пушкина, что даже бессюжетный рассказ о ней, показ ее не в образах, а через последовательное чередование «пушкинских мест» и соответствующих надписей или цитат, сообщает сценарию внутреннее движение, заставляет читать его как трагическую повесть. Шкловский проявил в этой вещи не только большой опыт кинодраматурга, но и тонкое знание своего материала.

«Литературный современник» поместил также стенограмму беседы в редакции на тему «Пушкин в искусстве». Здесь есть любопытные высказывания Петрова-Водкина, Шервуда, Кибрика и др., представляющие немалый интерес и для писателей. Нельзя, однако, пройти здесь мимо сомнительной позиции, занятой на обсуждении Ин. Оксеновым. Доказывая правильное положение о том, что ни один художник не поднимется выше удовлетворительного уровня в иллюстрациях к Пушкину, если он не найдет у гениального поэта своей темы, Оксенов ищет аналогий в художественной литературе. И здесь он находит лучшее преломление образа Пушкина в стихах Маяковского «Юбилейное» и... Пастернака «Тема с вариациями». У Пастернака, считает Оксенов, образ Пушкина «осмыслен по-новому, в современном плане, пушкинская тема здесь стала вместе с тем и пастернаковской темой — темой творчества... И Маяковский, и Пастернак нашли в образе Пушкина свои, личные (и притом большие) темы».

Какое противоестественное соединение имени Пастернака с именами Пушкина и Маяковского! Нужно быть, очевидно, не менее проницательной и «тонкой» натурой, чем Оксенов, чтобы в таинственных иероглифах «Темы с вариациями» увидеть осмысление образа Пушкина «по-новому, в современном плане». Странные, должно быть, у этого критика представления о нашей современности, воспринимающей, как известно, и образ и наследие Пушкина отнюдь не по-пастернаковски.

3

В «Звезде» помещены статьи: Гофмана — «Язык поэзии Пушкина», Мирского—«Биография поэта» (1817—1820 гг.), Грачева — «О влиянии Пушкина на русскую оперу» и т. д. Особо стоит остановиться на статье Свирина «Пушкин и фольклор народов СССР». Это едва ли не первая попытка обобщить работу Пушкина в области фольклора народов бывшей Российской империи. Свирин доказывает, что интерес Пушкина к творчеству народов России был не случаен и что определили его не столько биографические обстоятельства, сколько литературные взгляды и понятия эпохи. В главах, посвященных непосредственно работе Пушкина над фольклором, Свирин использовал обильный материал, позволяющий проследить методы, которыми Пушкин осваивал песни кавказских горцев, крымских татар, бессарабских цыган, молдавские предания, украинский и калмыцкий фольклор и т. д.

В «Литературном дневнике» выделяется статья Д. Выгодского «О переводах Пушкина на языки СССР». Это опять-таки первая попытка в русской критической литературе перейти от информации, от голых сводок к анализу качества переводов Пушкина на языки советских народов. Выгодский оперирует материалами переводов на украинский, белорусский и еврейский языки. Нужно, чтобы его примеру последовали критики и писатели, знающие языки других народов. Только тогда мы будем иметь более или менее ясную картину того, как Пушкин входит в литературу нашего Союза, и на конкретных примерах легче будет вообще разрешить весь комплекс вопросов, связанных с проблемами художественного перевода.

4

«Октябрь» — единственный толстый журнал, давший обстоятельную биографическую статью о Пушкине. Статья написана В. Кирпотиным просто и увлекательно и дает читателю четкое представление об эпохе Пушкина, о его окружении, о благородном образе величайшего поэта-гуманиста и о значении его наследства для нашей современности. Суховато, но содержательно написана статья А. Лежнева «Стиль пушкинской прозы». В критическом отделе напечатаны интересная статья Гусева об отношении Л. Толстого к Пушкину и статья Щербины, обобщающая взгляды Чернышевского и Добролюбова на Пушкина, и Бельчикова — «О пушкинских торжествах в 1880 г. в освещении агента III отделения». «Октябрь» нашел возможным откликнуться на пушкинскую дату не только серьезными исследованиями, но и литературным фельетоном. Три пародии Архангельского не равноценны, но в целом это веселая издевка над всякого рода «пушкиноедами», появившимися в нашей критике и художественной литературе.

Но странное дело. Редакция «Октября» помещает едкие строки Архангельского:

Подумать только, что когда-нибудь
Писака-драматург к столу присядет
И драму накропает обо мне, —

и тут же, буквально рядом, дает место этому «писаке-драматургу», разразившемуся пятиактной халтурой под названием «У гроба Пушкина»! Пушкин, собственно, появляется в опусе Сергеева-Ценского один раз, и то мельком. Центральная фигура пьесы — Лермонтов, основная тема — его переживания в связи с гибелью Пушкина. Но как безвкусно, как лубочно осуществляет Сергеев-Ценский свое намерение! В погоне за эффектами автор сводит во второй картине Лермонтова с Пушкиным, заставляет Лермонтова подслушивать на улице вопли и стоны смертельно раненого поэта, мало того, показывает Пушкина в гробу и пропускает мимо гроба разношерстную публику с нестерпимо глупыми и оскорбительными для памяти поэта речами.

Прямо-таки чудовищна по своей безответственности и художественной беспомощности сцена допроса Лермонтова Клейнмихелем, в связи с распространением стихотворения Лермонтова «На смерть поэта». Лермонтов показан здесь Сергеевым-Ценским как провинившийся школьник, как раболенный монархист, говорящий дрожащим голосом, неспособный на малейшие проявления мужества.

Как могло изменить редакции «Октября» элементарное художественное чутье? Как могла она испортить пушкинский номер журнала такой непозволительной дребеденью? Подумать только, что могут найтись расторопные театры, которые, попавшись на удочку, как и «Октябрь», пожелают весь этот бред вытащить на подмостки!

5

Следует вообще отметить, что в художественных отделах журналов Пушкину не повезло. Уже появились юбилейные стандарты и штампы. Уже идет волна рассказов, темой которых, как правило, является «первая встреча» с Пушкиным, и обычно эти встречи происходят в годы гражданской войны или в более близкие дни на далеких окраинах. К этому сорту литературы относятся и рассказы Ген. Гора «Наш друг Кастун» и Тоболякова «Первое знакомство» — в «Литературном современнике», В. Лавренева «Комендант Пушкин» и Лаврухина «Дед Черномор» — в «Звезде».

У Гора герой рассказа Лазарев, у которого кто-то стянул том Пушкина, телеграфирует с Сахалина в Ленинград любимой девушке: «Книга исчезла Немедленно телеграфируй оду Вольность после строк Когда на мрачную Неву звезда полуночи сверкает». И представьте: получает 30 стихотворных строк по телеграфу!

А у Лавренева комендант Царскосельского укрепрайона, оказавшийся случайно однофамильцем великого поэта, сначала враждебно настраивается в отношении Пушкина. Причиной тому строка на царскосельском памятнике поэта: «Отечество нам — Царское село». Но впоследствии дело, конечно, меняется. Военрук Воробьев и учитель Луковский просвещают коменданта. И он превращается в восторженного поклонника поэта, настолько восторженного, что, будучи смертельно ранен в бою с белыми, просит похоронить его поближе к своему славному однофамильцу. За несколько минут перед смертью он «вдруг приподнялся на локте и медленно, протяжно заговорил, как в бреду:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать

и отдает, как говорится, «богу душу».

Фальшиво, сусально, неестественно! Но, к сожалению, Гор и Лавренев повторяем, не исключение: такие рассказы — с аналогичным сюжетом, ситуациями и персонажами — наводняют не только толстые и «тонкие» журналы, но и периферийную печать.

Только в двух произведениях о Пушкине соблюден известный такт, то чувство меры, которое столь обязательно в отношении великого поэта: в повести для кино Блеймана и Зильберштейна «Путешествие в Арзрум» и в рассказе Марвича «Прогулка в крепость». Любопытной экспериментальной работой является и «Шестая повесть Белкина», в которой Зощенко пытается, как он сам определяет в предисловии, дать «копию с пушкинской прозы». Очень хорош небольшой очерк Ольги Форш «Филаретки». Автор просто рассказывает о том, как чествовали память Пушкина в сиротском дворянском институте, где она в свое время воспитывалась. И эти воспоминания неожиданно приобретают обличительную силу подлинно художественного произведения—с такой наглядностью и остротой нарисовала О. Форш в своем небольшом очерке картину тупоумия, невежества и лицемерия, развернувшуюся на институтском «празднике».

Я. КОРОТКОВ

Е. ГАЛЬПЕРИНА

КНИГА О ПАРИЖСКОМ НАРОДЕ

(«Растерзанный Париж» Ж. Кассу)

Прошлой весной в Мадриде, на встрече испанских и французских писателей народного фронта, Жан Кассу, полуфранцуз и полуиспанец по происхождению, заявил, что всю жизнь он был человеком без родины, но сейчас он чувствует себя сыном двух родин—народной Испании и народной Франции.

Многие французские писатели раньше, живя в одиночку и противопоставляя себя обществу, были далеки от мысли, что «в каждой нации есть две нации», и потому они видели лишь буржуазную Францию. Сейчас, слившись с революционным народом, они вновь находят родину. Так возникает потребность воссоздать прошлое своего народа, его борьбу за лучшее будущее.

Кассу воссоздает героические дни Коммуны в форме записок Теодора Киша, юного буржуа. Теодор Киш порывает со своей средой, женится на дочери рабочего-революционера и проходит вместе с восставшим пролетариатом весь его героический путь. Образ Коммуны возникает через восприятие влюбленного юноши, очень молодого, восторженного и непосредственного. Он многого не понимает в происходящих событиях, но участвует в борьбе со всей юношеской пылкостью. Это надо учитывать, оценивая историческую верность отдельных эпизодов романа.

Кассу можно упрекнуть в неясности некоторых фигур, например, генерала Росселя, занимающего заметное и вряд ли оправданное место в книге.

Но самый серьезный упрек, который может быть брошен Кассу,—это упрек в том, что совершенно обойдена вся позитивная сторона деятельности Коммуны, ее первые декреты, ее попытки рабочего законодательства, то, к чему следовало подойти с особым и любовным вниманием. Вместе с тем, вся основная концепция Коммуны глубоко исторична. Меньше всего здесь можно говорить о модной сейчас на Западе «модернизации истории». Давая образ Коммуны глазами восторженного юноши, Кассу сам оценивает ее исторический смысл, роль и судьбу, исходя из оценок Маркса. Он даже вводит своеобразный персонаж, молодого философа Беккера, который представляет как бы «самосознание» Коммуны.

Думается, что заслуга Кассу, как исторического романиста, в том, что он с исключительной силой сумел передать основное занимающее его противоречие. С одной стороны — неясность, смутность идей, царивших в Коммуне, разногласия между ее вождями, неопределенность отношений между центральным комитетом национальной гвардии и Коммуной. С другой стороны — прорывающийся через все инстинкт революционных масс, величие вооруженного народа, решительно, уверенно, без колебаний идущего в бой. Именно этот исторически правильно понятый конфликт позволяет Кассу с потрясающей силой и остротой передать атмосферу трагических дней Коммуны.

Кардинальное отличие «Растерзанного Парижа» от большинства интеллигентских исторических романов на Западе в том, что подлинным героем книги является восставший народ, его борьба, ее страсти, ее судьба.

Кассу создал великолепный, проникающий образ парижского народа. В отличие от некоторой экзальтированности Теодора Киша, рабочие «Растерзанного Парижа» почти величественно спокойны и естественно достоверны. Таков отец Сиффелей, старый красильщик, участник событий и 48-го и 51-го годов, несущий в себе традиции прошлой борьбы французских рабочих. Такова его дочь Мари-Роз, как бы концентрирующая в себе всю душу парижского народа.

Быть может, Мари-Роз с ее огрубелыми руками работницы и ведет свое литературное происхождение от Жанны-Мари, которую воспел А. Рембо. Но этот образ не воспринимается литературно. Ее благородная простота, естественность и гордость ее любви, естественность и простота, с которой она идет на баррикады, делают честь вкусу и такту Кассу. В литературе уже раз промелькнул образ, немного напоминающий ее,—это «девочка с петухом» из «Семи красных воскресений» Рамона Сендера. Обоих писателей, видимо, увлекает в этих девушках одна черта—их простота, та естественность, с которой они идут на борьбу, ибо им нечего выбирать, — это их революция.

Вооруженный, восставший народ играет главную роль в книге. Вот почему совершенно новое звучание принимает здесь традиционная тема—интеллигента в революции.

Теодор Киш пришел в Коммуну из мира буржуа, мира пустого, мелкого, описанного Кассу со спокойной, иронической безжалостностью. Жизнь Теодора до Коммуны—жизнь юного романтика, скучающего среди буржуазной прозы, утешающегося великими, возвышающими его в его собственных глазах, чувствами. Чем был Теодор раньше? Ничем, маленьким человеком. Чем были его чувства? Пустыми забавами. Чем была его жизнь? «Жизнью привидения». Слияние с революцией, участие в борьбе есть рождение человека. Вот что показывает—и очень страстно показывает—Кассу. Слияние с массами, борьба поднимают человека от серой и мелкой жизни на высоту больших чувств, подлинных страстей, глубокой и полной человеческой жизни. Он впервые находит себя в борьбе. Впервые в борьбе расцветает по-настоящему и его любовь к Мари-Роз. Революция пробуждает в человеке грандиозный взрыв страстей, все лучшее, все высокое, что в нем было заложено. Человек рождается в революции—это не ново само по себе, об этом пишут сейчас многие и многие интеллигенты. Но Кассу привлекает той исключительной страстностью, с которой он описывает это «второе рождение», и тем, какое внимание он уделяет качеству прихода к революции.

К революции приходят по-разному. Но нельзя выбрать дело народа так, «как выбирают книгу в библиотеке». Не холодный долг должен руководить тобой, когда ты идешь на баррикады, но страсть, но **«любовь, идущая от нутра».**

Эта любовь, идущая от нутра, — тема, проходящая сквозь всю книгу Кассу и делающая ее, на мой взгляд, столь привлекательной. Разрешая тему интеллигента в революции, Кассу более сильно и более пламенно, чем многие другие, утверждает полное, абсолютное слияние его с революционным народом. Здесь нет речи о «приятии» и «неприятии», здесь нет речи о внутренних терзаниях, колебаниях и сомнениях, противоречиях «своей» сложности и «их» простоты и прочих интеллигентских вымыслах. Просто человек находит настоящую жизнь, до конца сливая свою личную судьбу с революцией. Пламенная и высокая любовь Теодора и Мари-Роз подчеркивает, а отчасти и символизирует эту органическую слитность. Именно поэтому Кассу избежал часто встречающейся параллельности тем, из которых тема интеллигента часто остается внутренней темой произведения, а тема народа превращается в фон и внешний материал. В «Растерзанном Париже» — наоборот. Борьба народа становится внутренней темой книги именно потому, что судьба Теодора всецело сливается с судьбой парижского пролетариата.

«Растерзанный Париж»—не столько настоящая история Парижской Коммуны, сколько книга о чувствах, ею рожденных. Книга — необычная по молодости и страсти, пропитанная ненавистью к палачам Коммуны, наполненная пафосом борьбы.

Коммунары мечтают о будущем и борются за него. И участники Коммуны и вся книга обращены к будущему. В беседе с индивидуалистическим поэтом, буржуа, скептически и брезгливо отгораживающим себя, «Поэта», от Коммуны, Теодор Киш и Беккер противопоставляют его бесплодным и холодным мечтам свою мечту—мечту революционера, рвущуюся в будущее. «Растерзанный Париж» построен на этом «воображении», на революционной мечте. Это книга, тяготеющая к большой революционной романтике.

★

Такие книги, как «Растерзанный Париж», указывают на глубокие сдвиги в французской литературе, вернее, писатели, связавшие свою судьбу с движением народных масс, возвращают сейчас французской литературе ее молодость. Она возвращается к большой социальной теме, к героическим страстям, к большому и уверенному оптимизму.

Книга Кассу во многом воспринимается полемично. Это и в литературном плане боевая книга. Можно легко простить Кассу некоторую чрезмерность восторженных интонаций, если вспомнить, что «Растерзанный Париж» появляется на фоне омертвевшей иронической литературной традиции с ее знаменитой французской «мерой», давно выродившейся в эпигонство, на фоне умирающего холодного, пустого, равнодушного «эстетизма». Ромэн Кассу примечателен тем, что его книга насыщена ненавистью. Не опустошенной, анархической ненавистью Селина, но страстной и плодотворной ненавистью, рождающейся в борьбе.

Книга Кассу примечательна еще и тем, что в противовес бесчисленным несчастным беднякам и смиренным страдальцам, в лице коих французские литераторы очень долго изображали пролетариат, здесь, наконец, создан образ высоких моральных и человеческих качеств революционного народа, обладающего достоинством, гордостью, мужеством и бескорыстием.

Быть может, многим из нас интонации Кассу покажутся слишком патетическими, слишком восторженными, и мы подумаем, что любовь революционеров бывает проще, а уличные бои суровее чем в книге Кассу, и упрекнем его в риторичности и переоценке. Отчасти это верно. Но надо учитывать и национальные особенности революционной литературы и революционных характеров. И, вероятно, во многом, что нам кажется риторичностью, француз увидел бы просто свойственную парижанам экспансивность.

В «Растерзанном Париже» безудержность чувства, молодая восторженность и прекрасное желание «жить страстно и гордо» определяют всю интонацию книги. Это действительно настоящее весеннее «половодье чувств», освежающее французскую литературу.

Но в конце концов не о литературе думаешь, читая книгу Кассу. Нельзя, читая о героях Парижа, не думать сегодня о Мадриде, разрушенном и упорном, о страсти, с которой защищается народ Испании, о девушках, простых и гордых, которые, как Мари-Роз, гибнут в бою. Думаешь о честных боях, которые завтра предстоят замечательному парижскому народу, так хорошо воспетому Кассу.

Создавая героический образ парижского народа и историю его борьбы в дни Коммуны, Кассу подошел к центральной теме современного Запада. Такие книги, как «Растерзанный Париж»—подступы к созданию настоящего героического эпоса современности, эпоса, который сохранил бы навсегда все величие борьбы народов за их освобождение, как хорошо сказал А. Шамсон на парижском конгрессе, «эпопеи, сопровождающей прогресс человечества и укрепляющей его правоту и волю».

Литературное наследие Плеханова

Социально-экономическое издательство продолжает выпускать многотомное издание «Литературное наследие Плеханова». В ближайшее время выходят IV и V сборники.

В шестом сборнике, который выйдет в июне, будут помещены неизвестные литературно-критические статьи Плеханова «Герцен и Толстой», о Белинском и др., а также переписка, научные редакции статей, варианты и материалы о Некрасове, Тургеневе, Фонвизине, Ломоносове, Островском.

Сборники выходят под общей редакцией П. Ф. Юдина, И. Д. Удальцова и Р. М. Плехановой.

Михаил Кольцов на фронте. Фото Р. Кармена

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

Михаил Кольцов в Мадриде

Однажды в Мадриде, поздней ноябрьской ночью, к нам, в помещение союза антифашистской интеллигенции, постучались Михаил Кольцов и Кармен. Они пришли за мной и Марией-Тересой с просьбой сопровождать их. Германские и итальянские самолеты только что бомбардировали город, во многих кварталах были обрушены зажигательные бомбы.

Мы ехали от Сибелес до Вентас в абсолютной темноте: казалось, огромная черная стена, доходящая до самого неба, разделила Мадрид на две части: на востоке — черная ночь, на западе — багровый туман, сквозь который виднелись силуэты крыш и башен.

Боковые улицы, выходящие на Пуэрта дель Соль, были оцеплены солдатами народной милиции, преграждавшими нам путь. Автомобиль остановился.

— Советская пресса, — сказал Кольцов по-испански.

— Да здравствует Советский Союз, товарищи! — весело ответил Кольцову солдат, подняв кулак. Глаза его блеснули в темноте.

Мы спустились по улице дель Кармен. Горевший рынок представлял собой сплошное море шипящего пламени, над которым стлался густой дым, поднимавшийся все выше и выше. Всем, в том числе и нам, предложено было принять участие в тушении пожара и помогать выносить вещи из соседних домов. Женщины, заспанные, растерянные, толпились возле своих подушек, матрацев, домашнего скарба, сваленного в беспорядке на тротуаре.

— Дайте пройти русским товарищам! — крикнул солдат. — Я их знаю, я их видел на фронте.

— Я из Каза дель Кампо, — продолжал солдат. — Я шел по Гран Виа. Вдруг появились самолеты. Я провел полтора месяца на фронте. Теперь и думать нечего о сне, нужно тушить пожар, зажженный этими негодяями.

Вид у него был усталый, но в словах звучала бодрость.

Кармен появился со своей камерой. Бесстрашный, спокойный, он снимал лица, на которых застыл ужас, снимал горящие стены, которые шумно обрушивались, поднимая столбы пламени. Тем временем Кольцов расспрашивал на испанском языке всех попадавшихся ему навстречу и усердно записывал все в свою книжку.

— Это русский журналист, — передают друг другу полушопотом рассыпавшиеся по площади республиканские бойцы, указывая на Кольцова.

Кольцова всюду знают. Его все узнают. Он отличается необычайной подвижностью. Он успевает ежедневно побывать на всех мадридских фронтах. Он раз'езжает, расспрашивает, наблюдает, отвечает на тысячи вопросов, неутомимо работает и к тому же находит время для изучения истории Испании. Я видел, как он в своей комнате, в отеле, сидит с карандашом в руках, углубленный в изучение атласа.

Кончится война, и Михаил Кольцов будет знать — лучше, чем кто-либо другой — грядущий, самый прекрасный и героический этап в жизни страны, историю которой он с таким энтузиазмом изучает по ночам. Изучает, несмотря на то, что он устал от поездки по фронту, что в его ушах еще звучит пулеметная стрельба.

В Москве говорили нам о корреспонденциях Мих. Кольцова, появляющихся почти каждый день в «Правде». Мы знаем, что эти боевые корреспонденции полны лиризма и блещут остроумием. Они помогли советским читателям узнать Мадрид так, как если бы они там жили. Мы встречались в Москве с людьми, называвшими нам улицы, площади и кафе Мадрида: Сибелес, Пасео дель Прадо, Карера де Сан Херонимо, Глориэта де Аточа, Гран Виа.

Все эти названия многим москвичам так же близки, как и названия московских улиц.

Куда бы мы ни пришли — на фабрики, в школы, в театры, — везде мы наблюдали энтузиазм, вызванный корреспонденциями Кольцова, везде мы замечали их огромное влияние. Молодой грузинский поэт, написавший пьесу о толедском Алькасаре, сообщил мне, когда мы были в гостях у Таирова, что многие эпизоды его драмы написаны под влиянием статей Кольцова. То же самое можно сказать и о пьесе Афиногенова «Салют, Испания!». Имя Кольцова и Мадрид неотделимы в СССР, ибо его корреспонденции рождаются в огне нашей борьбы, за которую он болеет душой, которую он знает. Недаром грохот бомб, падающих вблизи отеля, где живет Кольцов, придает по временам его голосу оттенок грусти.

Кольцов, изучающий в Мадриде историю Испании, и карта Пиренейского полуострова, которую можно увидеть в каждом доме в Москве, — все это говорит о том, что советский народ считает своими братьями испанских бойцов, отдающих жизнь в борьбе за родину.

Наши советские братья грустят по поводу наших поражений, гордятся нашими победами — победами над международным фашизмом, который несет террор, смерть, голод, лишения и разрушение прекраснейших городов Испании. Кольцов видит, как гибнут лучшие сыны испанского народа; этот народ боролся в течение семи веков, чтобы спасти Европу от арабского вторжения; испанский народ отстоял свою независимость и показал Наполеону, что он не позволит себя поработить, — Европа увидела, что Бонапарта можно победить.

Народ Испании — благородный, исполненный чувства ответственности, много страдавший и свободолюбивый, вписывающий в современную историю новые славные страницы, с которыми знакомят советский народ статьи Кольцова, — наш народ преграждает путь наступлению фашизма всех оттенков — чернорубашечников, коричневорубашечников, воздвигая на их пути гранитный барьер.

Мадрид выражает героизм народной воли. Мадрид встал как один человек на защиту всеобщего мира. Мадрид с его великими чаяниями переживет свою эпопею уверенно и бодро.

Генерал Миаха, полковник Рохо, командир Замарро, комиссары комитета обороны Мадрида, солдаты народной милиции, население тыла — кто из них проявляет больше героизма? Все они такие, какими представляет их себе советский гражданин, все они заслужили ваше внимание и вашу любовь.

Кольцов своим метким, острым, проникновенно-чутким пером показывает вам подвиги республиканской авиации и танкистов, коллективный героизм нашего города. Мне кажется, я вижу сейчас, как он входит в дом союза антифашистской интеллигенции, как всегда веселый, напевая песню «Лос герильерос». Он таков даже тогда, когда сбрасываемые «Юнкерсами» бомбы покрывают мадридское небо дымом пожаров, придающих грозный вид силуэтам крыш и башен города.

РЕДАКТОРСКАЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГОСЛИТИЗДАТЕ

«Литературная газета» неоднократно писала о плохих книгах по современной советской литературе, выпущенных Гослитиздатом в 1936 г. Суммируя промахи в этой области, мы должны сигнализировать Гослитиздату о тревожном положении на этом участке его работы. В самом деле, что получилось с изданием современной литературы в Гослитиздате в 1936 г.? Гослитиздат издал или намеревался издать почти все недоброкачественные политически и антихудожественные произведения, появившиеся в последнее время в журналах. Как известно, журнал «Новый мир» побил рекорд в издании всяческой макулатуры. И что же? Гослитиздат тщательно подбирает эту «продукцию» «Нового мира» и издает ее в заботливом оформлении.

«Литературная газета» в свое время писала о реакционной повести Зарудина «В народном лесу», изданной Гослитиздатом и, к счастью, не выпущенной полным тиражом в свет, т. к. сущность этой книги выяснилась для Гослитиздата к моменту появления сигнальных экземпляров. Но вот Гослитиздат издает в десяти тысячах экземпляров следующий «гвоздь» журнала «Новый мир» — роман контрреволюционера Макарова «Миша Курбатов», являющийся пропагандой троцкистских измышлений о нашей действительности.

Оба эти произведения, написанные в тонах жалкого эпигонства, насквозь проникнуты отвратительной фальшью. Не почувствовать, не понять этого — значит не иметь ни политического, ни художественного чутья.

Несколько ранее Гослитиздат издал «Созревание плодов» Пильняка и «Сын» Лидина, произведения, также взращенные «Новым миром». Тут уже, очевидно, действовало «обаяние» имен! Все-таки Пильняк, все таки Лидин! Ну, как не издать. А издавать совсем не следовало.

Но не только из «Нового мира» можно пополнить запас «ценных рукописей». К услугам издательства еще и «Красная новь», — и вот сданы в набор «Искатели славы» Орлова, не увидевшие свет лишь благодаря сигнализации прессы. Где же литературное чутье работников редакции сектора современной литературы Гослитиздата! Своевременная сигнализация печати — дело хорошее, но ведь и в Государственном издательстве художественной литературы должны быть кадры, самостоятельно ориентирующиеся в художественной литературе, умеющие отличить ценное, подлинное, правдивое, талантливое произведение от политической фальшивки, наскоро слепленной подделки, эпигонства, не имеющих никакого отношения к настоящей советской художественной литературе, к истинным запросам массового читателя. «Точность» работы редакции современной литературы прямо поразительна. Стоило редакции журнала «Октябрь» допустить ошибку, напечатав роман С. Ценского «Искать, всегда искать», — скучное, бесформенное произведение, где искаженно представлена обстановка на одном советском заводе, — опять-таки этот роман подхвачен Гослитиздатом, и никому ненужное произведение Ценского издано в 10 000 экземпляров.

★

Не лучше обстоит дело с молодыми писателями. Об этом участке несколько раз писала «Литературная газета». В 1936 г. издан сборник молодых писателей «Горизонт», рассказы Ясенева, Рутько. Все эти сборники — свидетельство неумения работать с молодыми писателями. В сборнике «Горизонт» наряду с удачными рассказами есть приспособленческие и негодные (см. рецензию «Л. Г.» № 37). В сборнике Ясенева чередуются отдельные неплохие рассказы с антихудожественным шлаком (см. рец. «Л. Г.» № 23). В сборнике Рутько много совсем плохих рассказов; в таком виде издавать этот сборник не следовало (см. рец. «Л. Г.» № 64). Что же тут скажешь! Какая же это помощь в работе молодому писателю! Казенное отношение к делу вместо помощи.

А наряду с печатанием всего, что под руку попадется, — невнимание к истинно одаренному молодому писателю, неумение работать с ним, неумение найти его. Ведь замечательный редактор М. Горький умел открывать постоянно новые писательские имена. Ведь это Горький нашел в самые последние годы и Макаренко, и Грекову, и Веру Жакову, и многих, многих других. И неизвестно, какова была бы их писательская судьба, не попади они к Горькому, чуткому другу и взыскательному мастеру.

Только так и нужно работать с писателем, — равняясь на М. Горького. Находите, товарищи редакторы, новых писателей. Они есть!

Вот мы часто читаем талантливые очерковые новеллы Ал. Колосова в «Правде». Сама жизнь говорит строками этих прекрасно написанных рассказов, но мы не видим в планах Гослитиздата имени этого писателя.

А между тем читателю в бесконечное число раз нужнее сборник рассказов Ал. Колосова, чем, например, «плоды» Пильняка. Хорошо написаны рассказы молодых писателей С. Дьяковского, М. Никулина, о которых недавно писала «Литературная газета». Может быть на них стоит обратить внимание, помочь им создать новые произведения! Наконец, на Пленуме ССП говорилось о рассказах сибирского писателя Кравкова, которого никак не удосужится издать Гослитиздат.

Впрочем мы не намерены давать рецепты Гослитиздату, мы привели несколько имен, пришедших на память, чтобы отвести штампованное возражение, что, мол, «издавать особенно-то нечего». Есть что издавать! Но для того, чтобы издавать хорошие книги, нужно уменье, вкус, любовь к делу.

В Государственном издательстве художественной литературы должна проходить основная работа с автором. Ведь это творческая лаборатория книги, где труд меньше всего может быть механизирован. В теперешнем своем виде редакция современной художественной литературы отчасти напоминает аппарат, механически поглощающий все, что ему подбросят.

Почему здесь не произведен тот строгий отбор людей, какой производится во всех других отраслях труда? Редакцией художественной литературы должны заниматься люди, авторитетные для писательской массы, умеющие завоевать этот авторитет.

Н. ДМИТРИЕВ.

«Спутники» Ромэн Роллана

«Спутники»—так называется книга очерков Ромэн Роллана, выпускаемая в ближайшее время Гослитиздатом.

Книга открывается вступительной статьей писателя. Затем следуют: статья «Яд идеализма», четыре очерка о Шекспире («Когда он пришел ко мне в первый раз», «Милосердие у Шекспира», «Истина в творчестве Шекспира», «Гений-освободитель»), очерки о Гете, Викторе Гюго, Тиле Уленшпигеле, Л. Толстом и др.

Особый интерес представляет статья Роллана о Ленине—«Искусство и действие». (См. «Лит. газету» № 4, 1937 г.).

Собранные в книге статьи написаны Ромэн Ролланом в разное время: очерк «Уленшпигель» напечатан в качестве введения к монументальному немецкому изданию «Легенды Уленшпигеля», выпущенному в свет в 1926 г. а очерк о Гюго—в 1935 году, в журнале «Europe».

Разница во времени создания отдельных частей книги нисколько не отражается на ее единстве. Горячая вера в лучшее будущее человечества, смелый, страстный призыв к борьбе пронизывают каждую статью, связывают их в одно неразрывное целое.

В конце книги напечатаны примечания автора, письмо Льва Толстого к нему и письмо Ромэн Роллана к Эрнесту Ренану.

Обитатели затхлого мирка

Никто в Ленинграде не помнит, когда начал печататься П. Калитин. Это было давно, много лет назад. Но П. Калитин все еще называет себя «молодым поэтом»... Что ж, к стихам «начинающих» относятся снисходительнее, всегда можно сослаться на «поэтическое несовершеннолетие».

Действительно, к стихам Калитина «не придирались», но слава, которая издавна сопутствовала его литературной деятельности, была отнюдь не славой стихотворца. Калитин был известен как прожженный делляга, морально разложившийся человек, как воинствующий представитель отвратительной пьяной богемы, неразгромленные остатки которой еще существуют и пытаются охватить своим влиянием литературную молодежь.

Это он, Калитин, презиравший труд, слыл прославленным мастером добычи случайных гонораров и авансов, а то и более легких заработков. Калитин ходил, например, в редакции и издательства и, всхлипывая, рассказывал о смерти сестры.

— Умерла любимая сестра, а хоронить не на что.

Его утешали, доставали денег на похороны. Но получив деньги, Калитин забывал о печали и бодро отправлялся в кабак, захватив кого-либо из своих «литературных друзей». Никакая сестра у него не умирала, это был излюбленный трюк опытного попрошайки.

В свое время литературная общественность требовала оградить молодых авторов от разлагающего общения с Калитиным. Но не кто иной, как троцкист Майзель, которому доверили воспитание литературной молодежи, «пригрел» Калитина и в Вечернем литературном университете и в Центральной литгруппе при ЛенССП. Покровительствуемый Майзелем, «молодой поэт» Калитин и не думал учиться в университете, он приходил на занятия пьяным, читал студентам антисоветские стихи. И все же Калитина летом 1936 г. включили в число участников пушкинского похода, в котором должны были участвовать лучшие молодые поэты и прозаики. Но и здесь Калитин поспешил продемонстрировать свою «творческую индивидуальность».

Получив изрядную сумму на поездку, он тотчас же пришел в союз и заявил, что у него украли и деньги и паспорт. Впрочем паспорт у Калитина немедленно нашелся, как только ему деньги выдали вторично. Но в союзе лишь улыбнулись очередной «шалости» Калитина, и он отправился в поход, использованный им для пьянства и дебошей.

★

Мы останавливаемся так подробно на малопривлекательной биографии Калитина потому, что имя его оказалось в центре литературного дня в связи с правильными и своевременными выступлениями «Комсомольской правды» и «Ленинградской правды» о журнале «Резец», оказавшемся трибуной врагов рабочего класса. Партийная и комсомольская печать заострили вопрос о враждебных влияниях в среде молодых авторов, и здесь Калитина следует вспомнить.

Не случайно «Резец» гостеприимно предоставлял ему свои страницы, не случайно здесь были напечатаны и вредный рассказ Калитина «Чехарда», и клеветническая «Дорога», и баллада «Месть мертвых», где автор любуется «нежной плетью» и «стройными виселицами» белогвардейского палача Мамонтова. И также не случайно в этом же журнале печатались стихи верного друга Калитина, некоего Дагаева, клевещущего на героическую борьбу испанского народа, и множество других враждебных «художеств».

Но каким образом Центральная литгруппа, в которой имеется здоровое творческое ядро одаренных молодых авторов, оставалась равнодушной к враждебным вылазкам в своей среде?

Два дня длилось собрание Центральной литгруппы. Собрание это позволило раскрыть затхлый мирок, в котором обитала значительная группа литературной молодежи. Этот затхлый мирок никогда не проветривался безбоязненной критикой и самокритикой, он был заражен грибками богемщины, ячества, зазнайства, худших болезней окололитературной среды. В такой затхлый мирок легко было проникнуть и орудовать врагу, здесь могло «прорастать» творчество, враждебное советской литературе.

О Калитине на собрании говорили много. Его стихи называли «образцами классического двурушничества», определенный враждебный характер его двусмысленно написанных стихов не оставлял никаких сомнений. Но сам Калитин пытался на собрании вновь обмануть общественность и представить себя как невинную «жертву клеветы и травли» (!). Его обширная декларация, состоявшая из наглых выпадов против советской печати, не могла не вызвать всеобщего возмущения. Безобразным было и выступление Дагаева, повторявшего на разные лады нехитрый тезис: «Не пойман — не вор». «Критики говорят, — заявил он, — что «Отряд республиканцев» — клеветнические стихи, я с этим соглашаюсь, но зачем мне говорить о других своих стихах, если о них никто не вспомнил».

Сейчас и Калитин и Дагаев, по требованию собрания, из литгруппы исключены. Но в группе остались люди, молодые поэты и прозаики, которые, сбившись в самом начале своего литературного пути, могут последовать по протоптанным вражеским тропинкам, уводящим от советской литературы.

Известно, например, что 22-летний поэт Штавеман несколько лет назад, как только напечатал первые стихи, бросил работу. Он шатается по редакциям, выпрашивая авансы, а когда в авансе ему отказывают, этот взрослый мужчина переходит на иждивение родственников, но работу сей «свободный художник» презирает. Штавеман, это известно всем, пишет с грубыми орфографическими ошибками, но учиться не желает. Он откровенно заявляет, что не считает для себя обязательным писать грамотно, ошибки, мол, корректор исправит, а он — поэт!

Какая будущность ожидает этого малограмотного, некультурного «поэта», ставшего завсегдатаем пивных?

«Весьма часто, — писал А. М. Горький в «Литературных забавах», — учитель снимает с производства ученика, которому случайно удалось написать приличные стишки или сравнительно грамотный рассказик. Таких учеников, исключенных из производственного процесса, уже немало. Живут они, задрав нос кверху, мозги у них сдвинуты набекрень, живут бездельно. И есть прямая опасность, что вместо пролетарских литераторов воспитываются паразиты пролетариата...»

Очень плохо, что это мудрое указание А. М. Горького часто забывали и забывают в союзе писателей.

★

Что ожидает другого ленинградского поэта, «подававшего надежды», принятого в кандидаты союза, Б. Кежуна? Он также нигде не работает и ничему не учится. На собрании он даже декларировал свое право на безделье и малокультурность.

— Я не убежден, — сказал он, — что поступаю неправильно, когда отказываюсь работать и учиться. Я сижу у себя в комнате и пишу стихи...

Эти «комнатные поэты» считают себя уже оформившимися мастерами, а то и непризнанными гениями. Чего стоит заявление того же Б. Кежуна, что среди переданных им в печать стихов были только два... «средних» стихотворения и то он, в конце концов, отказался их печатать.

Есть ли у этой группы молодых поэтов какие-либо интересы, выходящие за узкие рамки литературного быта? Многие из них, как выяснилось на собрании, не читают даже газет, не ходят в театры, не бывают в музеях. Редко кто из них занимается спортом. С основанием утверждал на собрании представитель «Комсомольской правды» т. Бачелис, что кругозор заводского комсомольца гораздо шире, чем у этих молодых людей, называющих себя поэтами.

Дух аполитизма и бесстрастия, насаждавшийся долгое время в «Резце», царил и в Центральной литгруппе. Когда в группе впервые прочли стишки некоей Лебедевой, то обсуждали размеры, рифмы, образы, но никто не сказал об антисоветском содержании этих стишков. Ведь некоторые молодые авторы до сих пор кичатся, что их называют «младоформалистами». Ведь в группе нашлись поклонники вредной концепции, что поэт должен воспевать не мир, а отголоски мира, он должен жить отражением мира. И даже сейчас, после пленума правления ССП, со всей очевидностью показавшего, в чьих интересах шла вредительская пропаганда аполитизма в поэзии, утверждение культа зауми и косноязычья, член группы Б. Лифшиц, выступая на собрании, заявляет: «Тогда, когда меня убедят, что Пастернак не крупнейший советский поэт, я вынужден буду перестать писать стихи».

Но откуда у молодого поэта это стремление писать стихи не для широкого советского читателя, а для узкого круга «знатоков»? Откуда это политическое равнодушие? Об этом хорошо говорили и т. Бачелис, и М. Чумандрин, и Н. Свирин — в заключительной речи. Вражеская ориентация поэзии в сторону аполитизма, «затушеванности», двусмысленности, вредительская работа, которую проводили в Ленинграде Майзель, Мустангова, Горелов и другие, сказалась и на молодежном участке литературного фронта. Правильно говорил т. Свирин о необходимости коренного пересмотра всей работы с молодыми авторами, в частности реорганизации «Резца» — этого «конвейера серых стихов и рассказов», и перестройки сектора работы с начинающими в Ленсоюзе писателей.

В Центральной литгруппе безусловно имеются ценные талантливые люди. Они смогут стать настоящими поэтами и писателями. Но их надо вывести из затхлого мирка, в котором они до сих пор обретались, надо помочь им увидеть большой мир, нашу действительность, величайшую нашу эпоху. Это обязаны сделать ленинградские писатели.

В. КРЕМНЕВ

Ленинград.

П. А. Ойунский

Платон Ойунский — народный поэт Якутии

К 20-ЛЕТИЮ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

23 марта исполнилось 20-летие литературной деятельности якутского народного поэта Платона Алексеевича Ойунского.

П. А. Ойунский родился в семье бедняка в 1893 г. в 3-м Жексогонском наслеге Таттинского улуса, Якутского округа. С 9 лет он стал работать на полях богачей.

В 1917 г. Ойунский окончил в Якутске учительскую семинарию. Еще будучи учеником семинарии, он организует нелегальный кружок учащихся школ повышенного типа, а в 1917 г. вступает в большевистский кружок, созданный находившимся в якутской ссылке Ем. Ярославским. С этих дней началась его кипучая революционная деятельность.

Пламенный агитатор, организатор советской власти в Якутии, председатель губревкома и ЯЦИК, аспирант Института национальностей при СНК СССР, руководитель Якутского государственного издательства, кандидат лингвистических наук, председатель Якутского комитета нового алфавита, председатель правления ССП Якутии, директор Якутского научно-исследовательского института языка и культуры, член ЦИК ЯАССР — вот путь поэта-большевика т. Ойунского.

Имя Ойунского — первого революционного якутского поэта и основоположника якутской пролетарской литературы — хорошо известно трудящимся Якутии.

Первые революционные призывные песни в Якутии раздались из уст т. Ойунского. Он отчетливо понимал задачи пролетарской революции, он верил в силу пролетариата и беднейшего крестьянства, он звал массы к борьбе за Советы, за укрепление диктатуры пролетариата. Недаром его слова доходили до самых глухих уголков необ'ятной Якутии.

Якутия на протяжении ряда лет являлась ареной ожесточенной гражданской войны. Трудящиеся Якутии в 1921—1923 гг. отстаивали завоевания Великой Октябрьской Социалистической революции от кулацких банд, руководимых якутскими тойонами и белогвардейскими офицерами. Сотни ревкомовцев, красных партизан и красноармейцев погибли в борьбе за советскую власть в Якутии.

Стихи т. Ойунского, разоблачающие «освободителей Якутии», сыграли немаловажную роль в достижении победы якутского народа над врагами революции. Когда на территории Якутии шли ожесточенные бои с бандами генерала Пепеляева, в эти дни председатель ЯЦИК Ойунский выступает со стихами «Господин генерал», облетевшими всю Якутию. Основной лозунг стихов — «На борьбу с Пепеляевым!».

Во все годы т. Ойунский выступает как страстный трибун, певец большевистского стана.

Ему принадлежит перевод «Интернационала» на якутский язык.

На смерть Ильича Ойунский откликнулся двумя прекрасными стихами—«На смерть вождя» и «Клятва». «Клятва» является поэтическим переложением исторической речи т. Сталина на II Всесоюзном с'езде советов.

Эти и другие замечательные художественные произведения Ойунского, как «Партбилет», «Москва», «Железная дорога», «Стихи про бога», «Власть Советам», «Китайскому народу», «Песня якутских красноармейцев» и др., служат образцом для всех советских писателей Якутии. Все произведения Ойунского поражают свежестью языка, звучностью и музыкальностью, красотой и силой изобразительных средств.

В последнее время П. Ойунский работает в области прозы и драматургии.

Характерной особенностью творчества Ойунского является острая классовая заостренность, большевистская идейность и страстность, сочетаемая с высоким художественным мастерством.

В 1937 г. Якутгиз выпускает полное собрание сочинений П. А. Ойунского в 3 томах.

С. ПОТАПОВ

Приветствие от ССП СССР народному поэту Якутии П. А. Ойунскому

Дорогой Платон Алексеевич!

Правление ССП горячо приветствует вас, писателя-большевика, в день двадцатилетия вашей славной литературной деятельности. Вы дали лучшие образцы якутской революционной поэзии и прозы и своими произведениями обогатили якутскую советскую литературу. Желаем вам успешно продолжать вашу плодотворную политическую, общественную и литературную деятельность, способствуя еще большему расцвету Якутской республики и ее литературы.

ПРАВЛЕНИЕ ССП СССР.

Б. БРАЙНИНА

Вторые и первые роли

I

В. Каверин пишет давно. В прежних его произведениях замысловатая, приключенческая интрига откровенно заслоняла живую действительность. В «Скандалисте», например, напрасно искать реальных характеров. Там их нет. В «Скандалисте» много движения, экспрессии, а у читателя остается впечатление безнадежной неподвижности, холода, натянутости.

В романе «Исполнение желаний» В. Каверин стремится итти по иному пути. Здесь несомненна попытка дать не только реальные характеры, но и затронуть живые вопросы нашей действительности. Тем не менее персонажи, которым автор поручил главные роли, попрежнему неподвижны и холодны. Они только играют роли, а не живут. Читатель видит улицы города, дома, обстановку, даже холодный, мокрый ленинградский снежок, о котором так часто упоминает автор. Но жизни нет, людей нет (исключение — образ профессора Бауэра, о котором речь ниже). Читатель ни на минуту не забывает, что перед ним книга, только книга, в которой, правда, видны известный вкус и опыт писателя, но она не заставляет волноваться, думать, переживать.

Обратимся непосредственно к содержанию романа. Первая книга романа названа «Трубачевский», И не только в первой, но и во второй книге больше всего внимания уделено Трубачевскому. Что же представляет собой этот главный герой? Трубачевский — студент-историк. Это хороший, честный, талантливый парень, полный научных интересов и юношеского честолюбия. Он с увлечением работает в архиве над рукописями декабристов, он делает научное открытие. Трубачевскому предлагают подписать договор на книгу, и, полный нескрываемой радости и торжества, он подписывает этот договор. Во всяком случае, самый придирчивый читатель не найдет в нем ничего неприемлемого для нашей действительности.

Но автор почему-то захотел превратить Трубачевского в терзаемого «сложными» противоречиями кающегося интеллигента-индивидуалиста, юношу со следами всякого рода «родимых пятен». Иными словами, автор заставил Трубачевского играть роль, которую тот играть не умеет. В помощь своему герою автору пришлось привлечь весьма замысловатую сюжетную интригу, могущую сделать честь любому детективному роману. Трубачевский работает в архиве знаменитого ученого-историка. Он в восторге от своей работы и к тому же влюбляется в дочь ученого, Машеньку. Но демонический злодей, некий Неворожин, друг сына ученого, обворовывает архив и, чтобы выйти сухим из воды, сваливает вину на Трубачевского. Неворожину помогает «профессиональная красавица», соблазняющая Трубачевского. Гибнет все. Оклеветанный Трубачевский близок к самоубийству, но при помощи другого героя (положительного), студента Карташихина, справляется с собой, едет на Днепрогэс и примиряется с жизнью. В это время Карташихин влюбляется в Машеньку и женится на ней.

Чем несчастный Трубачевский провинился перед советской действительностью? Почему он мелкобуржуазный, почему он «индивидуалист»? В чем он должен каяться? Где, в чем конфликт? Понять невозможно.

Ничего преступного нет в том, что Трубачевский подписал договор на книгу, что он стремился к славе, что он увлекается научной работой. Нет преступления и в том, что Трубачевский пошел на вечеринку, выпил там лишнее, и даже в том, что он был соблазнен красивой женщиной. Автор ставит в смешное положение и себя, и своего героя.

Чернышевский писал, что герой «Аббадоны», романа Полевого, «Рейхенбах тем смешнее, что почтенный сочинитель нисколько не думал издеваться над ним, но от чистого сердца убежден, что представил нам в своем Рейхенбахе истинного поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбах есть что-то уродливое, смешное, не образ и не фигура, а какая-то каракулька, начерченная на серой и толстой бумаге дурно очиненным пером».

Когда Каверин своего «умного и талантливого» Трубачевского заставляет делать нелепости и глупости, полагая при том, что изображает человека «больших желаний» и сложных внутренних конфликтов, то получается вместо живого образа смешная каракулька-карикатура.

Схематично и немотивированно развитие характера и другого героя, студента-медика Карташихина. Карташихину автор вручил роль стойкого, трезвого, неуязвимого комсомольца. Но взаимоотношения этого положительного героя с советской действительностью исключительно внешние.

К примеру, приезжает Карташихин к своему приемному отцу и видит построенный в горах Кавказа новый город.»

«— Здорово, — сказал Виленкин.

— Что здорово?

— Да вот так взять и построить город.»

И больше никаких реакций. «Взять и построить».

II

Ни Карташихина, ни Трубачевского читатель не запомнит, не полюбит, не унесет в своем сердце. Потому что это не типы, не характеры, не живые люди.

Но в романе есть другое, что может тронуть, заинтересовать читателя. Это образ знаменитого историка профессора Бауэра, а также изображение научных изысканий, научного творчества молодежи.

В архиве Бауэра — благородная атмосфера уважения и любви к науке, к историческим памятникам. Очень интересно самое описание архива, всех этих редких старинных книг, документов, писем, рукописей. Особенно трогают описания рукописи Пушкина, его почерка, его зарисовок.

Бауэр с каким-то особым благородством, простотой и скромностью отдает всю свою жизнь науке. Даже жестокая, смертельная болезнь не в состоянии оторвать его от научных интересов. Он до последних минут дышит наукой.

Бауэр любит молодежь, видит в ней великолепное будущее, своих наследников. С трогательным вниманием относится он к Трубачевскому. В своей последней прощальной лекции он обращается только к молодежи, говорит только для нее.

Автор правдиво изображает особо благоприятную обстановку для всякого рода талантливой и честной научной работы в Советской стране. Революция открыла широкие двери науке. Интересно, что воспоминания об отце, большом революционере, геройски погибшем в гражданскую войну, натолкнули Карташихина на путь научных открытий, научного творчества.

И читатель все время чувствует какую-то связь, какую-то общность, преемственность между двумя стариками — Бауэром и погибшим за революцию отцом Карташихина.

В этом отношении символичен разговор Машеньки (дочери Бауэра) и Карташихина в эпилоге романа. Машенька и Карташихин поженились, У них родился сын. Счастливая мать спрашивает:

«Не понимаю, в кого он такой?

— Хорошо, если бы в деда.

— В какого?

— В обоих, — запнувшись, сказал Карташихин и улыбнулся. Это был старый спор — о сравнительных достоинствах дедов».

«Эта история больше себя самой, и люди больше тех ролей, которые они играли», — пишет автор о своем романе, подразумевая главных героев — Трубачевского и Карташихина. Нет, не больше, к сожалению, не больше, вернее, много меньше, чем полагает автор.

Зато вторые роли, второстепенных героев оказались больше, чем полагал автор И в первую очередь роль профессора Бауэра. Здесь замысловатость сюжета, интрига, детектив — все это отходит на задний план. Перед читателем — правда о старом заслуженном советском ученом. Высокие научные интересы, сила духа, горячая любовь, кровный интерес к «смене», к молодым кадрам, скромность, предельная честность. Все это — неот'емлемые черты внутреннего облика и Павлова, и Мичурина, и Карпинского, и целого ряда других великих ученых, ныне живущих и работающих в нашей стране.

ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Первые номера трехмесячного еврейского журнала «Форпост» * — внушительный ответ тем, кто скептически расценивает будущность Биробиджана как главного организующего центра еврейской национальной культуры.

Не только в СССР, но и за рубежом еврейские трудящиеся массы сумеют пользоваться «Форпостом» как источником, дающим самые разносторонние представления о строительстве Биробиджана. Этому отлично помогает то обстоятельство, что организаторы журнала очень широко понимают свои задачи и сумели уже в первых номерах занять правильную позицию, выгодно отличающую их от редакций многих других наших журналов.

Главная и наиболее подкупающая особенность «Форпоста» заключается в том, что он имеет свое ярко выраженное лицо, в том, что он органически связан с жизнью, борьбой, строительством, судьбами Еврейской Автономной области и всего Дальневосточного края. «Форпост» не ограничивается художественным показом биробиджанской действительности. Он одновременно ведет и борьбу на теоретическом фронте, разоблачая концепции буржуазно-националистических теоретиков, он, кроме того, широко освещает все научно-исследовательские работы, ведущиеся в крае, и т. д.

В этом направлении содержание первых двух номеров является весьма многообещающим. Наряду с рассказами и стихотворениями крупнейших писателей и поэтов, таких, как Д. Бергельсон, П. Маркиш, И. Фефер, наряду с критическими статьями Литвакова, Хашина, Добрушина, Клитеника и др., в журнале помещены и статьи агронома Каменецкого «О природных условиях и богатствах Еврейской Автономной области», профессора Брука «О сельском хозяйстве Биробиджана», Канторовича «Производительные силы Биробиджана», материалы работ научной комиссии о фауне и флоре области и т. п.

Не меньший интерес представляют и помещенные в журнале статьи: Диманштейна — «Советская еврейская государственность» и «Сталинская Конституция», Брахмана — «Большевистская партия в борьбе за разрешение еврейского вопроса» и «Борьба Ленина и Сталина против еврейского национализма», Новика— «Палестина», статья секретаря обкома ВКП(б) т Хавкина, подводящая итоги строительства в Еврейской Автономной области, и т. д. Написанные ярко и понятно, тщательно документированные, статьи эти воскрешают в памяти еврейских трудящихся масс всю неприглядную практику еврейских буржуазных и мелкобуржуазных националистов, практику, разоблаченную и заклейменную великими основоположниками партии большевиков Одновременно эти статьи раскрывают пропасть, лежащую между двумя системами борьбы за еврейскую государственность в Биробиджане, где задача эта осуществляется на основе интернационального единения народов, социалистического строительства, свободного социалистического труда, и в Палестине, где сионисты тесно связаны с английским империализмом и где создается строй, полный таких же трагических противоречий, как общественный строй в любой капиталистической стране.

Исключительно ценным следует признать отдел «Люди Еврейской Автономной области». Стахановцы сами рассказывают о своем опыте, о своей судьбе. Трудно без волнения читать бесхитростные, но увлекательные рассказы кузнеца Шлоймы Шатайлы, мичуринца Резника из колхоза им. Лаврентьева, комсомольца Гередникова, директора кирпичного завода Рувина Штейна, несколько лет назад иммигрировавшего в Биробиджан из Америки, — рассказы о том, как люди, не знавшие, что такое производительный труд, что такое родина, переродились в обстановке социалистического строительства и сумели занять место в первых рядах строителей нового общества.

Вполне естественно, что именно к этим людям, скромно делающим свое героическое дело, устремлено внимание писателей, привлеченных темой Биробиджана. Именно о них рассказывает Бергельсон в своей мастерской новелле «На под'еме», где изображаются трудности освоения Биробиджана, именно им посвящает свой интересный, отличающийся свежестью и остротой ситуации рассказ «Два берега» молодой писатель Добин, они живут и действуют в прекрасной балладе Переца Маркиша о пограничниках, в стихах даровитого поэта Олевского и в других произведениях, помещенных в «Форпосте». Мы лишены возможности дать обстоятельную оценку достоинств и недостатков художественного отдела «Форпоста», но следует все же отметить здесь одну доминирующую в нем черту:

Во всех стихах и рассказах нового журнала весьма ощутим **дальневосточный колорит** — в пейзаже, в специфике изображаемых будней, в бытовых деталях, а, главное, в том «чувстве границы», которым пронизана вообще каждая строка журнала.

Это сильно приближает читателя к обстановке, в которой живет Еврейская Автономная область, и глубже позволяет постигнуть своеобразие и сложность борьбы, которую ведут еврейские трудящиеся массы под руководством коммунистической партии. Кроме того эти страницы укрепляют в каждом читателе сознание того, что еврейская литература Биробиджана уже и сейчас, даже в первой стадии своего становления, есть явление принципиально новое в общей еврейской литературе, и что это явление несет с собою строй чувств и мыслей, необычных для старой еврейской литературы и ставших возможными лишь в условиях полной творческой свободы.

В росте и развитии этой новой, социалистической еврейской литературы «Форпост» призван сыграть не последнюю роль. Первые шаги журнала внушают в этом смысле радостные надежды.

Я. Р.

* «Форпост» — еврейский трехмесячный журнал в Биробиджане, №№ 1—2.

Б. БУАЧИДЗЕ

Поэты советской Грузии

(Переводы Бориса Брика)

На-днях в Гослитиздате вышла книга «Поэты советской Грузии» в переводах Бориса Брика Уже несколько лет как Брик плодотворно работает в области перевода грузинской поэзии. В своих талантливых переводах, собранных в данной книге (многие из них были уже опубликованы раньше), он выявил свое вдумчивое творческое отношение к грузинской поэзии, которое далеко от случайного, мимолетного интереса.

Б. Брик в деле перевода отдельных поэтов достиг большого творческого успеха. Но его работа не лишена еще ряда существенных недостатков

Переводчик не всегда умеет выбрать лучшее из всего поэтического творчества грузин, для него характерна некоторая односторонность отбора.

Название книги не совсем оправдано. Из передовых поэтов Советской Грузии многих Брик еще не начинал переводить, некоторые же поэты представлены лишь случайными вещами Плохо представлены, например, передовые поэты Грузии Симон Чиковани и Алио Машашвили. Это в значительной степени относится и к поэту-орденоносцу Галактиону Табидзе, хотя стихи его Брик переводит давно и перевел их уже не малое количество.

Основной недостаток переводов Б. Брика—некоторая утеря своеобразия отдельных поэтов. Это, может быть, в какой-то степени является неизбежным — каждый переводчик накладывает на переводимый материал отпечаток своей творческой индивидуальности, — но мастерство перевода в том и заключается, чтобы максимально четко передать особенности, колорит, своеобразие оригинала.

Б. Брику больше удаются эпически-повествовательные, холодно-описательные произведения, он часто отступает перед глубоко проникновенной лирикой. Эта черта больше всего сказалась в переводах Галактиона Табидзе.

Творчество народного поэта Грузии Галактиона Табидзе глубоко лирично Поэт всякую тему, сугубо злободневную, остро-политическую, поэтически воспроизводит в форме непосредственно выражаемых чувств. Его поэзия оптимистична.

События октябрьских дней творчески воодушевляли поэта: он в своих стихах и поэмах не раз возвращался к ним, создавая свои пламенные, отчеканенные произведения.

В книгу переводов Б Брика включено несколько стихов из «Джон Рида», «Смольный». В поэме «Джон Рид» (написана в 1922 г.) Г. Табидзе яркими поэтическими красками запечатлел боевые эпизоды Октябрьской революции, бурю событий, потрясших всю землю.

Нашей необ'ятной социалистической родине, и в частности новой Грузии, Галактион Табидзе посвятил ряд поэм и целый цикл лирических стихотворений. Поэма «Революционная Грузия» — одно из самых ярких произведений советской поэзии. Из этого цикла Б. Брик перевел и включил в свою книгу, к сожалению, только два стихотворения: «Абхазия» и «То было в старину». Надо было бы глубже и основательнее ознакомить русских читателей с поэзией замечательного народного поэта Грузии Галактиона Табидзе, неутомимой и талантливой творческой работой заслужившего орден Ленина.

Один из лучших поэтов Грузии — Алио Машашвили — в книге Б. Брика представлен только одним стихотворением. Имя Машашвили тесно связано с боевыми традициями комсомола Грузии, воспитавшего и вдохновившего поэта. Перу Машашвили принадлежит одно из самых лучших лирических стихотворений на смерть Ленина. Великому Ленину Алио Машашвили посвятил целый цикл стихотворений, одно из которых—«Ленин в нашей борьбе» — перевел Брик.

Пролетарские поэты Ираклий Абашидзе, Александр Гомиашвили (по небрежности редактора «переименованный» в Сандро), Сандро Эули — каждый представлен лишь одним произведением.

В. Брик удачно перевел «Две баллады» и «Мхедрули» поэта Карло Каладзе Он сумел передать даже некоторую холодную напыщенность, свойственную балладам Каладзе.

Стихотворения Симона Чиковани «Над бездной» и «Прощание с молодостью» относятся к давно пройденным этапам Особенно первое из них. Желательно было бы дать более новое и характерное из творчества этого поэта.

В книгу «Поэты советской Грузии» включены блестящие переводы «Апология Риона» К Чичинадзе и «Оле» Г. Леонидзе

К Чичинадзе, ведущий большую и весьма ценную работу над переводом мировых классиков, за последние годы мало работает над созданием собственных оригинальных стихов. В сборнике — переводы произведений поэта, относящиеся к более ранним годам его творчества (1923—1929). Содержание этих стихов не связано с актуальными вопросами современности, они аполитичны и отвлеченны («Чучело цапли», «Коринна» «Чуждая»). Лучшее поэтическое произведение К. Чичинадзе — «Апология Риона» Эта поэма отличается большой выразительностью, в ней нашло подлинное поэтическое выражение все величие мощной реки.

«Одинокое дерево» Георгия Леонидзе — одно из лучших его произведений Оно пленяет своей поэтической свежестью, своей непосредственной лиричностью. Его же остро политическое стихотворение «Поэтам советского Азербайджана» в свое время явилось свидетельством решительного отхода поэта от романтики прошлого.

Наиболее полно и наиболее удачно Б. Брик переводит поэта Тициана Табидзе. К особенностям творческого пути Т Табидзе нужно отнести резкие идейные зигзаги. Но в последние годы поэт все настойчивее преодолевает свой индивидуализм, доходивший порою до прямой реакционности, и все чаще и любовнее обращается в своих стихах к социалистическому сегодня. Переводы Б Брика главным образом отражают именно эту революционную струю поэзии Т. Табидзе

Весьма неудачно представлен в книге Б Брика вдумчивый и значительный поэт В Гаприндашвили Его стихотворение «Блуждающий Парадиз», написанное в 1919 году, представляет собой сгусток типичной символистской литературщины, мало интересной для советского читателя; другое стихотворение—«Моя страна», написанное о родине социализма, много потеряло в русском переводе.

Б. Брик дает несколько переводов произведений поэтов Н. Мицишвили и П. Яшвили Н. Мицишвили за последние годы написал цикл талантливых стихов «Новая площадь». В книге Б Брика нужно отметить стихи Мицишвили «Ватерлоо» и «Пушкину».

В переводах Б. Брика талантливый поэт-орденоносец П. Яшвили представлен далеко не лучшими стихами. Как наиболее удачное, можем отметить «Проводив дочку на дачу».

В целом книга Б Брика, несмотря на свои недостатки, является безусловно шагом вперед в деле ознакомления русского читателя с грузинской поэзией. Эту плодотворную творческую работу, одинаково важную как в политическом, так и в культурном отношении, нужно всячески приветствовать.

В примечаниях к книге «Поэты советской Грузии» допущено изрядное количество не только неточностей, но даже явно неправильных положений. Например, о народном поэте Г Табидзе сказано, что он в 1915 году примыкал к группе «Голубые Роги», хотя фактически этого не было.

Но совершенно возмутительной является постоянная ссылка комментатора, скрывающегося под инициалами В. Г., на «авторитет» некоего Торошелидзе. Комментатор не потрудился поинтересоваться, что представляет собой этот самый Торошелидзе, который давно уже разоблачен как презренный отщепенец, контрреволюционер, враг народа. Это было известно задолго до выхода книги «Поэты Советской Грузии» Комментаторы и редакторы, потеряв бдительность, дали на страницах книги место высказываниям классового врага.

«Поэты Советской Грузии в переводах Бориса Брика», Гослитиздат. 1936 г Стр. 142. Цена 3 р. 75 к. Тираж 5 000. Редактор В. Гольцев.

Д. ГАЧЕВ

БЕТХОВЕН

К 110-летию со дня смерти

Самые прекрасные произведения классического музыкального искусства замечательны главным образом тем, что в них в той или иной форме отражена великая душа народа, его радости и страдания, ликование и печаль, его многовековая мечта и стремление к светлой, счастливой жизни, его протест и революционная борьба за освобождение от всякой тирании, от всякого гнета.

Все многообразные переживания народа, его идеи и чувства, так же как и его борьба, нашли свое претворение и в творчестве крупнейших итальянских композиторов и в музыке Генделя и Баха, Гайдна и Глюка, Моцарта и Бетховена, Чайковского и Мусоргского.

Людвиг Ван Бетховен, наряду с Микель Анджело, Шекспиром и Гете, принадлежит к числу величайших художников человечества. 110 лет прошло со дня смерти Бетховена. И только в Советском Союзе музыка этого гениального композитора обрела свою вторую подлинную родину

Бетховен — современник революционной эпохи, эпохи социальных потрясений, жестоких и кровавых общественных столкновений, острых конфликтов, эпохи бурных страстей, сильных характеров, эпохи гильотины, Робеспьера, Марата. С потрясающей силой, с героическим пафосом и драматической мощью выразил Бетховен в своей музыке богатейшую гамму идей, чувств и переживаний передового человечества этой переломной эпохи.

Бетховен был одним из величайших гуманистов прошлого. Французскую буржуазную революцию он воспринял как событие, открывшее новую эру в истории человечества. Он мечтал о торжестве человеческого разума над произволом, о демократии, о радости, счастье и свободе не для кучки избранных, а для всего порабощенного человечества. Он прекрасно понял исторический результат французской буржуазной революции. Бетховен гневно разорвал посвящение Наполеону своей Es-dur'ной («Героической») симфонии, — в этом акте проявились его разочарования и перелом в его сознании.

Трагедию эту переживал не только один Бетховен но и все великие гуманисты прошлого. Благороднейший идеализм, светлые устремления, прекрасные оптимистические мечтания безжалостно разбивались о жестокую действительность классового общества. И как бы в противовес этому Бетховен создавал замечательные произведения, в которых утверждались и торжествовали его гуманистические мечтания Результатом гигантского внутреннего напряжения и борьбы, титанических взлетов фантазии и мысли являлись великие музыкальные творения его гения.

Бетховен — страстный революционер, непримиримый и страстный якобинец. Он революционер не только по своим идеям, по своему миросозерцанию, он подлинный революционер и в своем творчестве.

Бетховен — глубоко убежденный оптимист, у него неугасаемая вера в торжество лучших устремлений человечества. Он не представлял и не мог себе ясно представить пути к этому торжеству; они были указаны несколькими десятилетиями позже. Но он пытался преодолеть историческую классовую ограниченность своего времени.

Бетховен. Рисунок Е. Летронна, гравированный Блазиусом Гефелем (1814 г.).

В области музыкального творчества Бетховен совершил самый грандиозный переворот, самую великую революцию, которая когда-либо совершалась. Бетховенская музыка — это монументальный итог и завершение трехвекового напряженного и лихорадочного развития музыкального искусства, давшего и блестящую школу итальянских инструменталистов, и реалистическую, глубоко народную, итальянскую оперу, и величественную полифонию Баха, и героику Глюка, и симфонизм Гайдна и Моцарта.

Бетховен выступил не только как продолжатель этого богатейшего музыкального наследия, но и как гениальный новатор. Восприняв у своих предшественников старые музыкальные формы, освоив найденные до него богатейшие средства художественной выразительности и музыкального воплощения самых разнообразных идей, чувств, драматических положений и конфликтов, Бетховен делает гигантские и смелые шаги вперед в области развития музыкального искусства. Старые музыкальные формы он наполняет новым, героическим содержанием — великими шекспировскими страстями и драматическими столкновениями, и трагическими воплями, и страстным, победным ликованием Самые художественные формы им были коренным образом преображены, усовершенствованы и обогащены. Соната, симфония и другие формы музыкального искусства, которые Бетховен унаследовал у своих прямых предшественников — Гайдна и Моцарта, в результате творческой переработки были доведены им до исключительного совершенства. До наших дней они остались классическими образцами музыкального искусства.

Уже первыми своими квартетами, сонатами и симфониями Бетховен опрокинул все сложившиеся в течение столетия старые представления о границах развития музыкального искусства Современные ему мещане, филистеры от музыки, «бараньи головы», вроде музыкального душеприказчика Гете — Цельтера — с самого появления Бетховена и до конца его жизни преследовали этого революционного гения, дерзнувшего нарушить их тупое самодовольство и мещанское благополучие громовыми раскатами своих симфоний. Они не могли примириться с резкими диссонансами, с необычайными модуляциями, с дерзкой динамикой бетховенской музыки. Они взбунтовались против волевых ритмов, бурного развития и кипящих страстей его симфоний.

Даже Гете, впервые услышавший в фортепианном исполнении юного Феликса Мендельсона 5-ю (C-moll'ную) симфонию, буквально был взбудоражен и растерянно воскликнул: «Это нисколько не трогает, только изумляет. Это грандиозно... Это величественно, и совсем безумно! Становится страшно, что дом на тебя обрушится. Что будет, если все люди вместе примутся все это играть?».

Бетховен умел лаконичную, но яркую и выразительную тему развить в грандиозное движение и, пронизывая его железной, чисто «бетховенской» логикой музыкального развития, создать монументальное музыкальное творение с исключительными и неведомыми до него единством художественного замысла и завершенностью формы. Таковы его симфонии, сонаты, квартеты и трио, такова изумительная по своей цельности, монолитности, единству развития и предельной лаконичности его 5-я симфония.

Музыка Бетховена — это прежде всего музыка глубоко народная, а сам Бетховен — подлинно народный гений Бетховен на протяжении всего своего творческого пути обращался к великой сокровищнице народного мелоса, отыскивал в нем не только особо выразительные и оригинальные мотивы, ритмы и мелодии, но и некоторые формальные художественные приемы и принципы

Вариационные приемы, типичные для его фортепианных сонат, струнных квартетов, знаменитого скрипичного концерта (этого, наряду с «Чаконной» Баха, самого прекрасного произведения скрипичной литературы), почти для всех его симфоний заимствованы в народном музыкальном творчестве.

Народность музыки Бетховена выразилась не только в использовании народных песен и танцев. Этот мелодический, интонационный и ритмический материал, преображенный и переработанный в его творческой лаборатории, звучал по-новому в его произведениях.

Народность Бетховена сказалась главным образом в том, что Бетховен как никто умел выразить народную душу, жизнь, торжество и печаль народа. Бетховен, как никто из предшествующих ему композиторов и из композиторов последующих эпох, выразил в музыке мятежный, бунтарский дух народа. Бетховен как никто умел раскрыть в звуках народную революционную стихию, устремить ее на штурм твердыни рабства и темных сил гнета и привести ее к победному торжеству и ликованию. В этом особое величие гения Бетховена.

«Durch Leiden—Freude» (через страдание — счастье) — вот гордый бетховенский девиз, «не в извращенном понимании его», — как говорит Ромэн Роллан, — как «радость в страдании», как экзальтация страдания — вещь болезненная и вредная, а в подлинном значении: «через (durch) страдание и несмотря на него — радость». Девятая симфония Бетховена — величайшее творение музыкального искусства, — глубже, ярче и сильнее всего воплотила эту ведущую, центральную идею, эту главную тему творчества Бетховена.

Народность музыки Бетховена с большой силой и художественной убедительностью проявляется в буйном и неудержимом веселье, в бьющей ключом и переливающейся через край жизнерадостности, в бешеном ритме и стихийном движении, античной титанической мощи, которой достигает эта музыка.

Музыка Бетховена стала для нас близкой и родной Бетховен стал любимейшим композитором в стране социализма, навеки уничтожившей гнет и рабство и осуществившей тысячелетнюю мечту человечества о счастье.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

25—29 марта

1812 год. Родился И. И. Панаев

27/15 марта 1812 г. родился И. И. Панаев — один из виднейших писателей и литературных деятелей сороковых годов. Современным читателям Панаев известен преимущественно как автор «Литературных воспоминаний» и «Воспоминаний о Белинском». Эти воспоминания действительно относятся к числу лучших произведений русской мемуарной литературы. Дом Панаева был долгое время средоточием передовых литературных кругов Петербурга. У него бывали и встречались Белинский, Тургенев, Некрасов, Кольцов, Соллогуб, Краевский, Боткин. Панаев был в курсе всей литературной жизни на протяжении почти трех десятилетий. Неудивительно, что его воспоминания содержат много ценного материала и читаются с большим интересом.

Художественные произведения и фельетоны Панаева современному читателю мало интересны. Но в свое время Панаев занимал видное и почетное место среди русских писателей. Салтыков-Щедрин сам признает, что был известное время под его влиянием. Бесспорно также влияние, оказанное Панаевым на Писемского. Можно найти следы влияния Панаева и у Тургенева и у Григоровича.

В истории журналистики Панаеву принадлежит весьма почетное место. Он помог Некрасову встать во главе «Современника» и в течение ряда лет вести журнал на высоком идейном уровне, поскольку это было возможно в эпоху беспримерного цензурного террора.

1827 год. Умер поэт Д. В. Веневитинов

Веневитинов умер 27/15 марта 1827 г. «Климат» николаевской России не годился для этого философа-романтика, «Станкевича двадцатых годов», как его называли впоследствии.

Веневитинов умер 22 лет и написал очень немного. Но стихи его имели большой успех. Пушкин относился к нему дружески. В частности Пушкин же посоветовал ему издавать «Московский вестник».

Наладив издание журнала, Веневитинов переезжает в Петербург. На заставе он был арестован только за то, что ехал в одной карете с французом Воше, вернувшимся из Сибири, куда он отвез жену декабриста Трубецкого. Этот арест погубил Веневитинова. Его племянник (М. Веневитинов) рассказывает: «Комната, в которой он сидел в главном штабе, была очень сыра и холодна; это оказало дурное влияние на не очень крепкое здоровье Дм. Вл. и помогло развиться той болезни, которая причинила ему смерть, если только не было причиной самой болезни».

1892 год. Умер Уот Уитмен

26 марта 1892 г. умер один из крупнейших американских поэтов Уот Уитмен. Уитмен был поэтом-урбанистом. Его стихи чаще всего посвящены городу, уличной сутолоке, массам людей, фабрикам, машинам. Часто он останавливается на теме равноправия всех людей и международной солидарности, но ставит эти вопросы поверхностно, не понимая значения международного пролетарского движения.

Огромное влияние оказали формальные приемы Уитмена на европейскую поэзию конца XIX века. Отказавшись от деления стихов на строфы, пренебрегая рифмой, утверждая ритмическую прозу, Уитмен нашел много последователей в Италии, Германии и Франции.

1887 год. И. Давиташвили

26 марта 1887 г. умер первый рабочий-поэт Грузии Иосиф Давиташвили. Сын крепостного крестьянина, сделавшийся столяром, он почти во всех своих стихотворениях говорит о тяжелой жизни трудящихся. Наряду с этим он посвящает ряд прекрасных стихотворений своей родине. Этот глубокий патриотизм, не искаженный националистическими мотивами, был близок и понятен читателям поэта так же, как и его горячий призыв к рабочим и крестьянам дружно бороться против эксплоататоров.

В своем творчестве Давиташвили широко использовал образы народной поэзии, благодаря чему его стихи полны выразительности и пользуются большой любовью в Грузии. Полное собрание сочинений Давиташвили было выпущено в 1926 году.

Герценовские дни в Москве

Московский университет готовит к 125-летию со дня рождения Герцена интересную выставку.

Среди экспонатов — фотокопии с прошения Герцена о зачислении его в число студентов физико-математического факультета Московского университета, о университетских дипломов Герцена и Огарева, а также с рукописи диссертации Герцена «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника».

Особый плакат посвящен событиям из жизни университета, связанным с пребыванием в нем А. И. Герцена. Зачисленный в октябре 1829 г. в число студентов, Герцен за участие в демонстрации против грубого и невежественного профессора Малова был посажен в университетский карцер. В 1833 году Герцен и Огарев принимают руководящее участие в нелегальном студенческом кружке. В июне того же года Герцен кончает университет с серебряной медалью. В июле 1834 г. Герцена и Огарева арестовывают по подозрению в участии в нелегальном студенческом кружке. В 1843 году через университет возбуждается ходатайство о разрешении Герцену выехать за границу. Это ходатайство было отклонено.

На выставке можно будет ознакомиться с «Делом о недозволении надворному советнику Герцену отправиться за границу» (1843 г.).

Университетская научная библиотека им. Горького, обладающая богатейшим книжным фондом, передала на выставку ряд весьма ценных изданий, в том числе представляющие сейчас большую библиографическую редкость издания, напечатанные за границей в «Русской вольной типографии» А. И. Герцена.

*

Студенческую научную конференцию на тему «Революционные течения 30-х—50-х годов прошлого века и историческое значение Герцена» устраивает, по инициативе комсомола второго курса, исторический факультет Московского университета.

На конференции студентами будет сделано пять докладов: вводный доклад на тему «Эпоха 40-х и 50-х годов»; обобщающий доклад о Герцене; доклад о Белинском и его связи с Герценом; о Чернышевском как преемнике Герцена, сыгравшем руководящую роль в дальнейшем развитии революционного движения, и доклад «Петрашевский и петрашевцы».

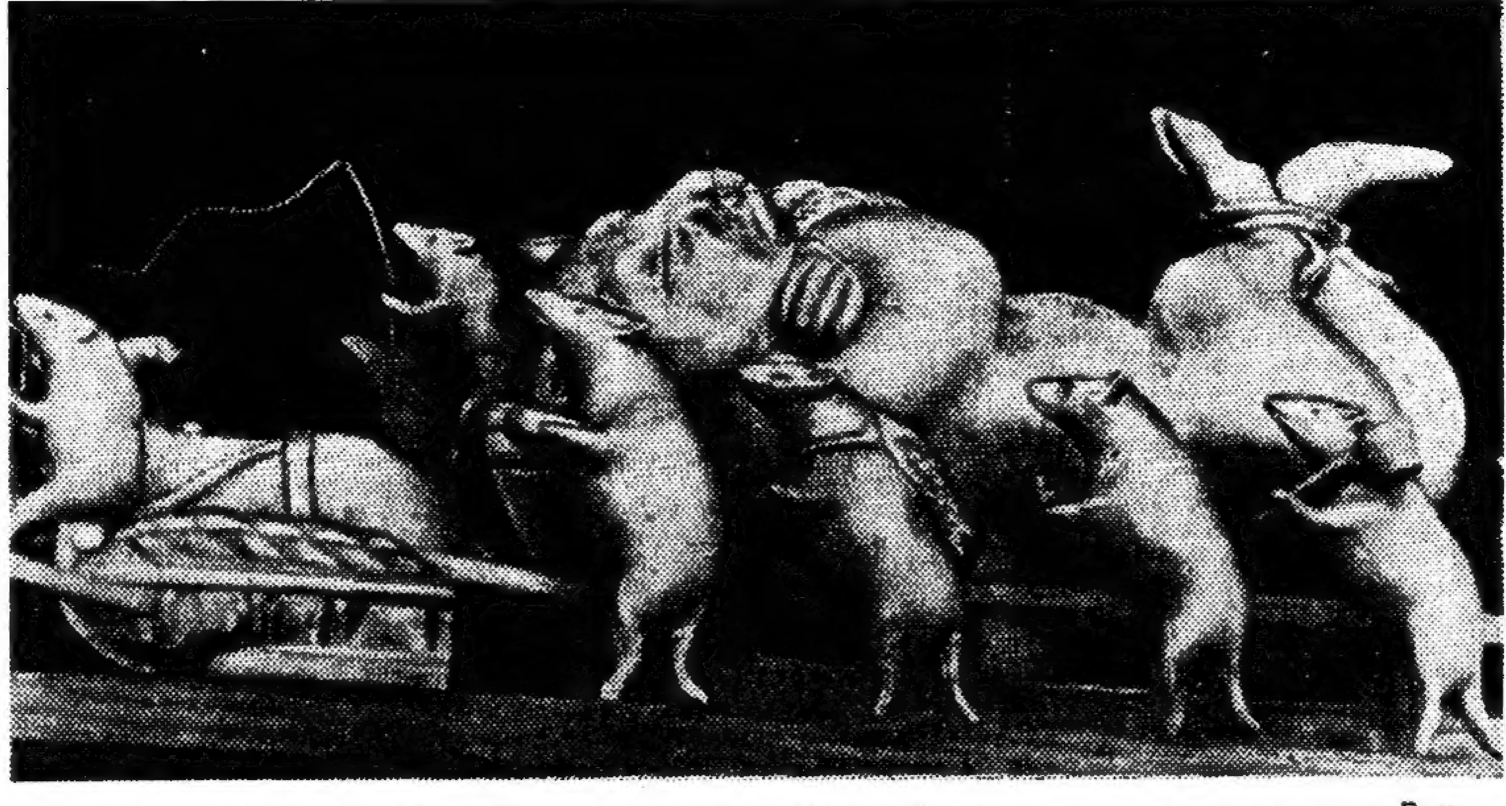
Задача всех докладов—осветить деятельность ряда революционеров 30-—50-х годов России—борцов против самодержавия и крепостничества. На конференции будут освещены также различные течения западноевропейского утопического социализма и то влияние, которое оказал Герцен на своих современников—деятелей революционного движения.

Подготовка к конференции проходит под руководством профессоров Н. М. Дружинина и М. В. Нечкиной.

Избранные статьи Луначарского

Избранные работы А. В. Луначарского о русской литературе выпускает, под редакцией Н. Ф. Бельчикова, Гослитиздат. В сборнике помещены статьи и речи о Пушкине, о Грибоедове, Лермонтове, Гоголе, шестидесятниках, Некрасове, Щедрине, Чернышевском, А. М. Горьком, Ал. Блоке, Вл. Маяковском.

Очеркам о творчестве отдельных писателей предпосланы три статьи общего характера («Ленин и литературоведение», «Судьбы русской литературы», «О наследстве классиков»), посвященные методологическим проблемам изучения литературы.

А. И. Рыжов (Загорск). «Как мыши кота хоронили». Дерево. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галлерее в Москве.

Передвижная пушкинская выставка

В пушкинские дни большим успехом пользовалась организованная Государственным литературным музеем в Москве передвижная выставка «Жизнь и творчество А. С. Пушкина».

Она демонстрировалась на пушкинской сессии Академии наук СССР и на других торжественных заседаниях, посвященных великому поэту. Экспонаты наглядно знакомят со всем жизненным и творческим путем Пушкина.

За короткое время различные краевые организации приобрели 72 копии выставки, в том числе организации Таджикистана, Дальнего Востока, Закавказья, Узбекистана и т. д. Шесть комплектов выставки отправлены в Якутию.

Дочь Маркса — переводчик Флобера

В настоящее время мало кому известно, что дочь Маркса, Элеонора Маркс, была первым переводчиком «Госпожи Бовари» Флобера на английский язык.

Элеонора Маркс (1856—1898), активная участница английского рабочего движения, состояла корреспондентом различных ученых обществ, свободно владела французским, английским и норвежским языками и переводила немало художественной литературы. Ее переводы, особенно из Ибсена, охотно печатались различными издателями.

Английский перевод «Госпожи Бовари» был издан Элеонорой Маркс в 1886 г. под именем Элеоноры Маркс-Эвелинг. Он был выпущен в Лондоне издательством Vizetelli.

Мы не знаем, имелись ли с тех пор на английском языке другие переводы «Госпожи Бовари», но перевод Элеоноры Маркс переиздается до сих пор.

Сборник произведений О. Туманяна

К 14-й годовщине смерти знаменитого армянского поэта Ованеса Туманяна, исполнившейся 23 марта, Гослитиздатом выпущен сборник его избранных стихов, рассказов и сказок в переводах на русский язык.

Декада узбекского искусства

Всесоюзный Комитет по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР проводит в Москве, в мае, декаду узбекского искусства. Во время декады состоятся оперные спектакли Государственного узбекского музыкального театра и выступления музыкальных коллективов.

Спектакли будут происходить в помещении филиала Большого театра Союза ССР.

Семейный архив Герцена

В связи с юбилеем Герцена возникает вопрос о новом издании полного собрания его сочинений с устранением тех ошибок планового и текстового характера, которые вкрались в 22-томное очень ценное во многих отношениях издание Лемке, главным образом, вследствие тяжелых условий его редакторской работы в годы гражданской войны. Конечно, для осуществления нового издания необходимо будет заново пересмотреть все подлинные рукописи Герцена, хранящиеся в различных собраниях Советского Союза (Библиотека имени В. И. Ленина и Государственный литературный музей в Москве, Публичная библиотека в Ленинграде, Институт литературы при Академии наук и др.).

Очень важно также привлечь к этому делу многочисленные рукописи Герцена, хранящиеся в его семейном архиве в Лозанне.

Старшая дочь Герцена, Наталья Александровна, и ее брат, Александр Александрович, как известно, помогли М. Лемке и сделали очень много для издания первого, действительно полного, собрания сочинений их отца. Необходимо использовать этот архив и для нового издания.

Издание древнеармянских рукописей

По решению Совнаркома Армянской ССР, Ереванским институтом истории и литературы приступлено к изданию древнеармянских рукописей.

В течение 1937 г. будет издано шесть рукописей, в том числе «Математика» и «Астрономия» Анания Ширакского, «Книга врачевания» Амир-Довлета, труды историка Етума, а также альбом памятников древнеармянской архитектуры.

Книги эти будут выпущены на армянском, русском, французском и греческом языках и напечатаны в типографии Ереванского научного издательства. Институтом истории и литературы одновременно приступлено к отбору и подготовке к печати рукописных текстов, намеченных для издания в 1938 году.

Рассказы о Саратове

Саратовское областное государственное издательство выпускает из печати сборник рассказов о Саратове. В сборник войдут произведения современников, учеников и друзей Н. Г. Чернышевского. Рассказы печатались в журналах 60—70-х годов прошлого столетия.

В этих рассказах—подробные описания Саратова времен первой половины XIX столетия.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

«БРАКОГРАФИЯ»

Небольшого формата, в темнозеленом коленкоре, любовно оформленная книжка. На переплете—золотом тисненное факсимиле: «Капитан Федотов», на корешке—имя автора: Виктор Шкловский.

В тексте—вклейки на меловой бумаге, под каждой иллюстрацией подпись: П. Федотов «Художник и его родители» (акварель), или: П. Федотов «Игроки» (итальянский карандаш).

Читаем первую страницу: «Заботливо вникая в каждую мелочь, он склонялся над мотором, и лицо его загоралось радостью. Отделывая спицы последнего колеса...»

Но, позвольте, капитан Федотов был художником, а не механиком! При чем же тут мотор, спицы, колеса?! Впрочем, может быть, в его биографии были и такие дни? Посмотрим, что дальше.

«...Целый год провел дома без работы. Здесь познакомился с девушкой, на которой женился...»

Как женился? Мы хорошо помним, что Павел Федотов окончил жизнь свою в сумасшедшем доме, в глубоком одиночестве, опекаемый верным своим денщиком Коршуновым. Неужели по каким-либо вновь найденным материалам выяснились неведомые до сих пор детали его жизни?

«...Жена была из мещанской семьи и воспитывалась в духе школьного патриотизма.

— Ведь ты венгерка, Эржике, жена венгерца. И если родина зовет, если Венгрия требует...»

Ну, это уж слишком! И механик, и жена—еще куда ни шло, но—венгерец! Павел Федотов—венгерец? Полно,—да «Капитан Федотов» ли это В. Шкловского? Судя по красиво оформленному переплету—несомненно.

Но вот титульный лист, который мы вначале проглядели, гласит: Матэ Залка. «Песнь о солдатском отпуске». Внизу—марка издательства «Советский писатель» Москва, 1936 год.

Теперь все понятно: **первые 16 страниц книги вместе с титульным листом относятся к рассказам М. Залка**, лишенным конца, а **остальная часть ее с переплетом принадлежит повести Шкловского**, не имеющей начала.

Это—очередной типографский брак, образец халтуры, сфабрикованной на этот раз **типолитографией им. Воровского** в Москве.

Отлично отпечатана в этом экземпляре книги* выделяющаяся на белом форзаце розовая этикетка: «Просмотрщик № 200».

Е. ОСИПОВА

* Книга получена нами из библиотеки Бакинского Краснознаменного Рабочего Театра.

«Авторская правка»

Года полтора назад в издательство «Academia» поступил перевод романа французского писателя Ретиф де ла Бретонна «Южные открытия». В издательстве рукопись одобрили и, не отредактировав ее как следует, не сверив перевод с оригиналом, послали в набор.

Через несколько месяцев поступили гранки. Прочитали их редакционные работники и ахнули: перевод был плох: неточен, неграмотен. Издательство решило исправить перевод в гранках.

Мы видели гранки «Южных открытий» после редакторской правки. Грустное зрелище! Кажется, нет в них абзаца, которого не коснулась бы рука редактора. Поля гранок испещрены знаками, словами, долженствующими заменить в набранном тексте соответствующие знаки и слова. Многие фразы зачеркнуты. Одни из них заменены новыми, другие выброшены совсем.

Все эти исправления вкупе носят на языке редакционных работников скромное название—«авторская правка».

Не будем спорить с редакторами, правильно ли они выправили текст. Нас больше интересует вопрос—почему эти поправки не были сделаны раньше, в рукописи, почему редакция заметила неточности перевода лишь тогда, когда рукопись была набрана и когда исправлять перевод было и труднее и дороже?

Вопрос этот касается не только редакторов «Южных открытий». В одинаковой степени он относится ко всем редакционным работникам наших литературных издательств.

Авторская правка неблагоприятно отражается на производственных процессах. Каждое, даже ничтожное исправление в гранках или листах вызывает лишние (и часто не малые) производственные затраты, требует дополнительной работы над книгой, задерживает ее выпуск. За каждое исправление в наборе издательства платят типографиям штраф.

Однако эти обстоятельства мало смущают издательских работников. Обращаются они с гранками так, словно это отпечатанный на машинке лист, который в любую минуту можно перепечатать. С рвением, достойным лучшего применения, они черкают оттиски гранок и листов, «исправляя стиль», внося дополнения и изменения. В результате — книга опаздывает на несколько месяцев (если не на год), а штрафные суммы исчисляются сотнями и тысячами рублей.

Об'единенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена по книге Тирсо де Молина «Театр» до **1224 руб.**, по первому тому «Путешествие в Икарию» Кабэ—до **1656 руб.**, по сборнику произведений Лукиана — до **1630 руб.**

Но, как сказал еще Козьма Прутков, «нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще большая». Некоторые гранки редакторы издательства «Academia» исправили так, что стоимость авторской правки превысила стоимость всего набора. За набор второго тома «Путешествия в Икарию» Кабэ издательство уплатило 1775 руб., за авторскую правку же—1947 руб. Авторская правка по книге «Рукою Пушкина» превысила стоимость набора на 2 тысячи рублей (набор—7169 руб. правка—9200 руб.), по первому тому «Петербургских трущоб»—на 450 руб., по сборнику сочинений Успенского — на 473 руб.

Громадные расходы из-за большой авторской правки понесло издательство при издании «Писем А. Н. Островского», сказок Гофмана, очерков и рассказов Помяловского, сочинений Валлеса и многих других книг — всех не перечтешь.

«Правят» набор и в Гослитиздате. «Повести и рассказы» Чавчавадзе исправлялись гослитиздатовскими редакторами дважды в гранках и четырежды в листах. В книге было перелито 4730 строк текста. Это потребовало 90 часов дополнительной работы!

Печальнее всего, что сплошь да рядом авторская правка вызывается не принципиальными, а суб'ективными соображениями. Не понравится редактору в гранке слово—он заменяет его другим, совершенно не задумываясь над вопросом, насколько целесообразно исправление, оправдывает ли оно вызванные им хлопоты.

В издательстве «Academia» три редактора—**Рыков, Гальперин и Тарасов—два** месяца выправляли перевод трагедий Эсхила. Когда же стали проверять работу сих «редакторов», то 95 процентов правки пришлось отменить, так как она была ничем не обоснована, а в ряде мест даже ухудшала прежний текст.

Очень часто авторская правка об'ясняется неумением и нежеланием редакционных сотрудников работать над оригиналом до того, как он сдан в набор. Некоторые редакторы по-настоящему начинают редактировать вещь только в гранках или, что еще хуже, в листах. Летом 1936 года издательство «Academia» сдало в типографию четвертый том писем Достоевского. Рукопись набрали. При правке гранок оказалось, что А. С. Долинин, обязавшийся по договору подготовить книгу к печати, представил в издательство несверенный машинописный текст писем. Редактор тома Эльсберг, доверяя Долинину, сдал рукопись, также не сверив ее с подлинниками. Рукопись пришлось набирать заново. Этот безобразный факт, к сожалению, далеко не единичен.

В. ТОНИН.

Поправка

Агентство «Фотохроника» сообщает нам, что по вине редактора «Фотохроники» Шмидта снимок известной северной фольклористки А. Я. Колотиловой был ошибочно сопровожден подписью — «Сказительница былин М. С. Крюкова».

Таким образом, ряд газет, в том числе и «Л. Г.» (см. № 15-й), были введены агентством в заблуждение.

От редакции

Редакция «Литературной газеты» приносит извинения читателям за напечатанную в № 16 «Л. Г.» статью О. Димина «Сокровищница ценнейших рукописей», содержащую фактические и хронологические ошибки. Сотрудник О. Димин за допущенную неряшливость в работе подвергнут взысканию.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 89-89 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-66-18 и 5-51-89.

В ожидании помощи

О подготовке спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции

«Правда» в статье «Своевременный вопрос», посвященной подготовке пьес и спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции, пишет:

«Не пора ли Комитету по делам искусств поторопить авторов и принять кое-какие реальные меры, чтобы не допустить опаздываний юбилейных спектаклей».

Этот поистине своевременный вопрос — на устах буквально у всех руководителей театров, с которыми нам приходилось беседовать в течение последних дней.

— Комитет по делам искусств утвердил недопустимо поздние сроки для представления драматургами юбилейных пьес,— заявили нам тт. М. П. Аркадьев (МХАТ СССР им. Горького), Л. М. Лядов (Малый театр), А. Я. Таиров (Камерный театр), Б. Е. Захава (театр им. Вахтангова) и др. За это придется «расплачиваться» театральным коллективам.

В самом деле, возьмем оптимальный вариант, допустим, что Комитет действительно получит все готовящиеся юбилейные пьесы в установленный срок — **1 апреля** и, ознакомившись с ними в течение месяца, сможет рекомендовать их театрам. Даже и в этом случае театры приступят к работе над пьесами в середине мая. За вычетом одного месяца, когда театры будут в отпуску, им останется всего четыре месяца для работы над юбилейным спектаклем. Вряд ли можно предположить, что юбилейные пьесы, предназначенные для центральных театров, будут представлять собой камерные произведения с несколькими действующими лицами. Надо думать, что это будут развернутые полотна, героические произведения, может быть, с большими народными сценами. И вот, для воплощения на сцене произведений, которые потребуют со стороны театральных коллективов максимальных творческих усилий, Комитет по делам искусств катастрофически сократил время.

Но как бы там ни было, как бы ни были уместны тревога и недовольство руководителей театров, это отнюдь не единственный способ реагировать на ошибку Комитета. И надо сказать, что далеко не все руководители театров впали в тревогу. Они приняли свои меры и, не дожидаясь помощи Комитета по делам искусств, постарались обеспечить себя юбилейной пьесой.

По словам директора МХАТ СССР им. Горького т. М. П. Аркадьева Художественный театр считает, что «Земля» Н. Вирта, при соответствующей работе над пьесой совместно с автором, может быть показана в юбилейные дни. Театр уже приступил к репетициям этой пьесы.

В репертуар юбилейного сезона МХАТ СССР им. Горького входит также новая пьеса Л. Леонова «Половчанские сады», репетиции которой начнутся 1 апреля. Театром получена и новая пьеса А. Афиногенова «Великий выбор», которую автор писал как юбилейную пьесу.

*

Широкие планы и у Камерного театра. Он не хочет ограничиться одной юбилейной пьесой, а предполагает дать цикл пьес о Великой Пролетарской революции. По предложению А. Я. Таирова, этот цикл должен открыться пьесой Вс. Вишневского о рождении Октября.

К сожалению, пьеса еще не готова, и театр ждет ее, чтобы приступить к работе. Вторая пьеса — «Дума о Британке» Ю. Яновского о гражданской войне на Украине. Эта пьеса уже закончена и переводится на русский язык. Третья пьеса — «В наши дни» С. Вашенцева, сданная уже автором, завершит цикл юбилейных постановок Камерного театра. Работа над всеми тремя постановками будет итти параллельно, премьеры предполагается показать в течение юбилейного периода.

*

Центральный детский театр, руководимый Наталией Сац, также имеет в портфеле пьесу к великой годовщине. Пьеса в настоящее время дорабатывается.

*

Не все театры оказались достаточно предусмотрительными.

Малый театр до сих пор не имеет юбилейной пьесы. Театру обещаны, но не сданы пьесы В. Гусевым и Б. Ромашевым.

В то же время директор театра т. Лядов считает, что для того, чтобы поставить юбилейный спектакль в полную меру сил и возможностей театра, ему следовало бы приступить к работе над пьесой еще в январе. Около двух недель назад театр получил подтверждение Комитета по делам искусств, что одна из юбилейных пьес будет ему передана, и театр терпеливо ждет.

Театр им. Вахтангова прослушал на-днях новую пьесу А. Афиногенова «Великий выбор», вопрос о постановке которой сейчас решается. Кроме того, у театра подписан договор с А. Толстым на его юбилейную пьесу. В какой стадии находится авторская работа, театр не знает. Пишет пьесу для театра О. Форш—«Статья 122-я» — о статье Сталинской Конституции, говорящей о равноправии женщин.

Пьеса Форш по всей вероятности будет включена в репертуар сезона.

Театр им. МОСПС до сих пор не имеет юбилейной пьесы.

Пьесу на тему о героизме пишет для театра К. Финн. Лев Никулин передал театру свою новую пьесу «Порт-Артур». Обе эти пьесы будут включены в репертуар будущего сезона.

Московский Театр Революции, один из крупнейших наших театров, не может сказать с уверенностью, какую пьесу он поставит к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Положение этого театра в текущем сезоне вообще едва ли не самое тяжелое по сравнению с другими, входящими в систему Московского управления по делам искусств. Театр несколько месяцев работал без художественного руководителя и без директора. Естественно, что такое ненормальное положение в театре не могло не отразиться в частности и на подготовке пьесы к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Театр вел переговоры с драматургами Файко, Шкваркиным, Погодиным, Арбузовым и др. Переговоры эти пока ничем не окончились.

Драматурги Ржешевский и Мещеряков, заключившие с театром договоры, обязательства своего не выполнили.

Таким образом театр, всячески озабоченный подысканием юбилейной пьесы, до сих пор жил одними надеждами.

Только на-днях театр подписал договор с В. Билль-Белоцерковским на пьесу «Граница».

Особо следует отметить исключительную пассивность Управления по делам искусств при Моссовете в подготовке театрами юбилейного репертуара.

Как правило, специально этим делом здесь не занимаются. Вопрос ставился на одном из заседаний, ставился вскользь, да и то в ноябре прошлого года. Давались обещания подойти вплотную к подготовке юбилейного репертуара для театров Моссовета, но обещания эти не выполнены.

Предложение «Правды» Комитету по делам искусств ознакомиться с драматургическими произведениями до окончания их авторами и связать определенных драматургов с определенными театрами для совместной окончательной доработки юбилейных пьес встретило живой отклик у руководителей театров.

Такое мероприятие значительно сократило бы сроки тревожных ожиданий и окончательно выяснило бы картину **подготовленности** театров к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Е. КОСТРОВА

Уполномоч. Главлита В—26116.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.